

О жизни немецких ученых в СССР, атмосфере Дубны конца 1950-х и переезде в ГДР

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1675>

6 февраля 2014

Собеседник

Позе Рудольф

Ведущий

Винокурова Наталья Анатольевна

Дата записи

Беседа записана 6 февраля 2014 и опубликована 11 ноября 2014.

Введение

В первой части беседы специалист в области физики элементарных частиц Рудольф Позе рассказывает о своем детстве в Германии, о том, как его отец, Гейнц Позе, один из первых физиков-ядерщиков, сэкономил деньги, чтобы прокормить свою большую семью. Позе говорит об увлечении музыкой и о переселении семьи в деревню, когда началась война. Яркое воспоминание — вступление советских войск, наблюдаемое им воочию.

После капитуляции Германии его отец стал сотрудничать с СССР, и всю семью перевезли сначала в Одинцово, а затем — в Обнинск, который тогда еще не был городом, а лишь небольшой станцией. Позе вспоминает обучение в специальной школе для сотрудников строящейся атомной электростанции, жизнь в секретном городке.

Успешно закончив школу, Позе с одной из сестер отправился поступать в вуз — в Саратовский университет.

Во второй части беседы физик рассказывает о том, как перевелся из Саратовского университета в МГУ, а затем — в Дубну, где продолжил научную работу. В беседе передана атмосфера Дубны как академгородка, который создавался на глазах у нашего собеседника, чья семья стала одним из его центров: в его доме проводились встречи с приезжающими учеными и литераторами.

Несмотря на то, что семейство Позе провело в СССР более 10 лет, большую часть этого времени его члены были лишены гражданства — как немецкого, так и советского, и только в середине 1950-х Позе стали гражданами ГДР, после чего вернулось в Дрезден. Сам Рудольф Позе продолжал приезжать в Дубну, хотя и занимал довольно высокий пост в Академии наук ГДР. Его более влекла

научная работа, и в конце концов он принял приглашение возглавить Лабораторию вычислительной техники и автоматизации ОИЯИ в очень непростой момент, который переживала советская наука и страна в целом — в 1990-м году.

В заключительной части беседы Рудольф Позе вспоминает о том, как пропустил разрушение Берлинской стены, находясь совсем рядом с ней, и о том, какие ощущения у него вызвало это событие. Любопытны наблюдения ученого о разнице между немецкой и русской культурами, и эти наблюдения тем ценнее, что, по его собственному признанию, сам он находится «между двумя мирами» — Германией и Россией, не считая себя полноценным представителем ни одной из этих стран. Эти замечания выводят его на более общий разговор о нынешних связях между Европой и Россией.

Ученый рассказывает о том, как устроены взаимоотношения между сотрудниками Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне, и рассуждает о будущем современной физики и значении междисциплинарности для ее продвижения.

Наталья Анатольевна Винокурова: Рудольф Гейнцевиц, хочется начать с самого начала. Расскажите, пожалуйста, где вы родились, о своем детстве, как детство провели, о своей семье. Хочется обратиться к истокам.

Рудольф Гейнцевиц Позе: Я родился в городе Халле...

Н.В.: Халле?

Р.П.:... Халле — немецкий город, Галле русские говорят, 25 августа 34-го года. Мой отец физик, ученый, работал в Институте физики Университета города Халле, а мама была домохозяйка. Она, правда, начала учебу на химическом факультете университета Халле, там и познакомились мои родители. Но после того как они женились, она бросила учебу и посвятила себя жизни в семье.

Н.В.: В семье? А это принято было в то время?

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: А папа ваш был профессором?

Р.П.: Когда я родился, еще нет, но скоро после этого стал. Я точно сейчас не скажу, где-то в 36–37-м году он стал профессором.

Н.В.: В какой области?

Р.П.: В физике. Конкретно — ядерная физика.

Н.В.: Ядерная физика?

Р.П.: Да. Он учился в разных университетах, как это раньше было принято: в Мюнхене, Кенигсберге, Геттене [*Геттингене*] и в конце концов в Халле. Там и свою дипломную работу [защитил], и раньше это была сразу кандидатская диссертация.

Н.В.: А как это было принято: нужно было переходить из одного университета в другой?..

Р.П.: Можно было из семестра в семестр. Один семестр здесь...

Мать Рудольфа Позе – Луизе Позе

Н.В.: И выбирать себе профессоров?

Р.П.: Обычно выбирали себе профессоров, да. Если он, скажем, хотел заняться квантовой механикой, он старался слушать лекции Гейзенберга и так дальше... Он закончил учебу в Халле диссертацией у профессора Густава Герца, Нобелевского лауреата. И остался там же, как здесь говорят, на кафедре. На кафедре сначала был ассистентом, потом старшим ассистентом. Раньше у нас на кафедре был профессор, старший ассистент и еще один, два, три ассистента. И там же со временем стал профессором. И так фактически до начала войны он работал в Халле.

Н.В.: Халле большой город?

Р.П.: Халле довольно большой промышленный город. Это недалеко от Лейпцига. Это же район химической промышленности фактически был. Старинный город.

Н.В.: Старинный город...

Р.П.: Да-да, Саксония-Анхальт, земля Саксония-Анхальт.

Н.В.: А у вас дом свой был?

Р.П.: Нет-нет.

Н.В.: Как профессорская семья, семья ученого жила в то время?

Р.П.: По рассказам родителей я знаю, что оклад был не очень большой, и они считали деньги. Мой отец мог поехать на трамвае на работу, но мог дойти пешком. И обычно старался ходить пешком, чтобы сэкономить пфеннинги...

Н.В.: Пфеннинги на трамвай.

Р.П.: Дало ли это что-то, я не знаю, но принцип такой был. С другой стороны, нас постепенно... Я был второй ребенок в семье, а после меня еще трое, то есть всего было пятеро детей.

Н.В.: О! Большая семья!

Р.П.: Большая семья. Родители нанимали гувернантку для нас, ее оплачивали их родители, то есть...

Н.В.: То есть бабушка с дедушкой.

Р.П.: Бабушка с дедушкой.

Н.В.: А они кем были? Тоже ученые?

Р.П.: Да.

” Отец матери был известный ученый в области питания. Сначала ветеринарного. В Первую мировую войну он отвечал, не знаю, в каких масштабах, может быть, в масштабах всей армии, за кормление лошадей.

Н.В.: А!

Р.П.: Тогда же кавалерия еще играла важную роль...

Н.В.: Да-да-да, как интересно!

Р.П.: А потом он перешел на человеческое питание и много сделал, и он известен, я знаю, и здесь, в России, в Советском Союзе как ученый. А родители отца... Отец отца был купец и брокер, специалист по зерну. Они жили в Кенигсберге, Калининграде нынешнем, и он там занял видное место как брокер по зерну.

Н.В.: Да-да-да.

Р.П.: То есть и те и другие жили довольно хорошо, и...

Н.В.: Ну да, и приходилось помогать.

Р.П.: И они помогали молодой семье.

Н.В.: А гувернанткой была немка? Не нанимали француженку?

Р.П.: Нет-нет, это немки были. Как правило, довольно молодые девушки. Я смутно их помню, честно говоря, тех, которые с нами возились. Но потом, конечно, и в детский сад, я помню, ходил...

Н.В.: А детские сады были уже в то время?

Р.П.: Были уже, да-да.

Н.В.: И с какого возраста в детский сад отдавали?

Р.П.: Я думаю, с трех лет, не раньше.

Н.В.: О, маленькие совсем.

Начало войны. Раннее детство

Р.П.: Но не раньше. Раньше дома жили. И я помню, что мы, старшие — у меня старшая сестра — ходили вместе в детский сад. А о младших я уже не очень помню, потому что мы в 42-м году, уже...

Н.В.: Война началась, да-да.

Р.П.: ...во время войны, уехали из Халле. У родителей мамы было в Мекленбурге, на севере Германии, небольшое поместье, выкупленное когда-то дедушкой, и они предложили нам туда переселиться, потому что в Халле начались бомбежки, начались перебои с питанием и так далее.

Н.В.: Ну да, промышленный город.

Р.П.: И мы тогда, в 42-м году, переехали туда и до конца войны жили фактически в деревне.

Н.В.: А где же тогда ваш отец работал?

Р.П.: Мой отец, я уже говорил, до начала войны работал в Халле. В 39-м году он был призван в армию, тогда же началась война с Польшей...

Н.В.: А, конечно, да-да-да.

Р.П.: По-моему, меньше года он был в армии, и его вызвали, отозвали из армии. И он попал в распоряжение фактически Главного командования армии. И там сначала участвовал в урановом проекте.

Н.В.: То есть даже во время войны думали об этом урановом проекте...

Р.П.: Да-да-да!

Рудольф Позе с сестрой Герлинд

Н.В.: ...то есть шли работы.

Р.П.: Шли работы в этом направлении, они потом были прекращены. Это было не как здесь и в Соединенных Штатах — одна центральная проблема, задача. Она была распределена по разным институтам Германии, хотя официально Гейзенберг считался руководителем этих работ. Но это было не строгое руководство, а разрозненные точки. И одна группа работала именно под руководством... Было такое научное подразделение у Главного командования немецкой армии, и в этой группе он работал.

Н.В.: Ну, да-да, все на оборону, на войну.

Р.П.: Да. О немецком атомном проекте много уже написано, известно, и сегодня, я думаю, не стоит вдаваться в подробности. Ясно, что он не состоялся. Были разработки, и, можно сказать, в Германии подошли к тому, что можно было начинать техническую реализацию наработанного, но это не состоялось.

Герлинд, Рудольф, Берьбель и Дитрих Позе. Галле

Н.В.: Не состоялось. А как же вы жили без отца?

Р.П.: Он в выходные приезжал к нам, но мы мало его видели.

Н.В.: А как жизнь в семье, как воспитывали вас, кто не просто ухаживал, а кто занимался с вами, мама?

Р.П.: Мама, мама занималась, и потом, я уже говорил, детский сад и школа.

Н.В.: А в детском саду тоже чему-то учили?..

Р.П.: Нет, у нас, по-видимому, был частный детский сад, и вели его две сестры. У меня очень теплые о них воспоминания. Я их любил, они, по-видимому, меня любили. И там, конечно, мы не только играли, но нас тоже чему-то учили. И дома мама много с нами занималась.

Н.В.: А чем она с вами занималась? Читала?

Р.П.: Она читала, она с нами играла, научила, скажем, вырезать ножницами фигурки...

Н.В.: А музыкой вы как стали заниматься? Это семейная традиция?

Р.П.: Да. У меня отец, родители отца были очень музыкальны. Моя бабушка, по-моему, преподавала музыку в школах. И дом был очень музыкальный, в Кенигсберге жили еще ее родственники, тоже музыкальные.

И мой отец уже в раннем возрасте играл на скрипке, на фортепиано и позже начал петь — у него был хороший баритон, и он учился пению. И у нас дома он много играл на фортепиано, особенно когда вечером мама укладывала нас спать или купала нас в ванной, всегда у меня в ушах звучала его игра на фортепиано.

Н.В.: А вам учителя брали, вас учили?

Р.П.: Нет, учителя дома не было. Мы потом, в соответствующем возрасте, просто пошли в школу.

Н.В.: В школу — музыкальную?

Р.П.: Нет, в нормальную.

Н.В.: Просто в обычную?

Р.П.: Музыкальных школ, по-моему...

Н.В.: Не было.

Р.П.: Не было, да. Тогда принимали учителя. Я один или полтора года учился в Халле, в первых классах, моя сестра старшая, конечно, подольше, и дома мы только уроки делали. Но отец любил с нами играть и петь. У него были красивые — по-моему, они сейчас у сестры сохранились — книги с нотами и с картинками для детей, с детскими песнями. Обычно отец сидел за роялем, играл, а мы вокруг него стояли и пели. Началось, конечно, с моей сестрой и со мной, младшие у него на коленях сидели. Сначала я, потом, когда появилась следующая сестра, она сидела у него на коленях, а мы с сестрой стояли.

Н.В.: Такая прямо картинка, знаете...

Р.П.: Да-да-да. Рано нас приучили к этому: они играли, и мы пели.

Н.В.: А это традиция была в Германии, в интеллигентных семьях — музыка...

Р.П.: Да-да.

Отец Рудольфа Позе — Гейнц Позе в Галле

Н.В.: ...музыкальные вечера. У меня такое впечатление, что очень высокая музыкальная культура в Германии была домашняя, да?

Р.П.: Да, домашняя музыка — это была целая культура. Мой отец рассказывал, у него в Кенигсберге было несколько тетей, дядей. И дети вместе даже трио...

Н.В.: Оркестром, да.

Р.П.: ...играли. И он, как правило...

Н.В.: А нотам кто учил?

Р.П.: Это дома, например, бабушка моя.

Н.В.: Бабушка, учила бабушка?

Р.П.: Нет, нас уже нет, нас позже. Я это потом расскажу. Пока мы были в Халле, мы только дома занимались музыкой. И после того как мы переехали в Кляйплас — так называется местечко в деревне, мы со старшей сестрой ездили, можно сказать, в районный город Варен, в гимназию. И в это время там, в Варене, мы ходили к учительнице по фортепиано...

Н.В.: Частная учительница.

Р.П.: К частной учительнице и учились играть на фортепиано. Это наши первые музыкальные занятия.

Семья Позе с бабушкой Еленой Позе

Н.В.: А ваша школа, самая начальная, хорошая была, хорошее образование тогда было в Германии?

Р.П.: Это трудно сказать. Я думаю, оно было более-менее хорошим. Как раз в 40-м или в 41-м году переходили от старого шрифта к новому...

Н.В.: А!

Р.П.: Я начал учиться старому...

Н.В.: Значит, вы умеете красиво писать!

Р.П.: Умел. Я сейчас еще читать умею, а писать не берусь. Это очень важно, потому что письма многих моих родственников...

Н.В.: Еще старым написаны...

Р.П.: ...которые сохранились, они старым [написаны], да, и мои дети, например, их не могут читать. Мы недавно со старшей сестрой взялись и перевели переписку моего отца с его матерью на нормальный шрифт, чтобы...

Н.В.: Чтобы дети могли читать.

Р.П.: ...это доступно было нашим детям. А в Кляйплас, в деревне, я и сестра моя тоже некоторое время

ходили в сельскую школу. А сельская школа — это была фактически одна комната...

Н.В.: А, одно помещение.

Р.П.: Одно помещение, где все дети сидели. Иногда, может, их было 25–30, не больше, со всей деревни...

Н.В.: Все разных возрастов.

Р.П.: От первого до восьмого класса. И был один преподаватель, и он умел нас учить! Это нам интересно было очень.

Н.В.: Да-да, это необычно.

Рудольф Позе с одноклассниками – первый школьный день. 1940 г.

Р.П.: И я помню, он на скрипке играл и ввел уроки музыки, где мы пели, а он играл. Такие смутные воспоминания. Но мы только до четвертого класса там учились, потом нас перевели в гимназию, и туда пришлось ездить поездом. Мы каждое утро вставали... Это было примерно в 13 километрах... Был специальный поезд, по-моему, из двух вагонов, который отвозил детей обратно...

Н.В.: Развозил потом.

Р.П.: Развозил обратно, да.

Н.В.: А какие книжки вы читали?

Р.П.: В это время мы читали детские книги, конечно. Это была очень обильная литература...

Н.В.: Дома?

Р.П.: Дома, да. У моих родителей была большая библиотека. И они покупали нам...

Н.В.: Детские книги покупали.

Р.П.: ...детские книги, да, покупали очень-очень много. А потом, постепенно, когда начали взрослеть, и более серьезные книги читали. Много, очень много читали. Ведь тогда не было ни телевизора, ни компьютера...

Н.В.: Да-да, к счастью, ничего не было.

Р.П.: Мы много были на свежем воздухе, играли, а дома читали. Я помню, в Рождество, когда под елкой [раскладывали] подарки...

Н.В.: Да-да-да.

Р.П.: ...всегда там были книги, и, как правило, получив подарки, мы где-то все лежали — на ковре или на диванах, — читали свои книги.

Н.В.: И читали свои подарки.

Р.П.: Читали новые книги, да, это у нас так. В этом смысле мы очень, очень рано...

Н.В.: Наверное, у папы не было много времени с вами заниматься, он работал и жил отдельно.

Р.П.: Да-да-да, он был занят работой очень.

Н.В.: А как вы чувствовали его влияние? Как это в семье чувствовалось?

Р.П.: Я думаю, в основном через маму. Для нас она сумела создать такой образ отца: раз отец сказал — все, не подлежит...

Н.В.: Обсуждению!

Р.П.: ...обсуждению. Или угроза: «Я расскажу папе!»

Н.В.: Вы понимали, что это ученый, что... Было к этому уважение...

Р.П.: Наверное, да, наверное. Мы его все очень любили. Сегодня мы уже взрослые и можем критически оценить и то и другое, но тогда мы безоговорочно его любили и уважали.

Н.В.: Уважали — главное, да-да.

Р.П.: Уважали, да, конечно. Он по выходным с нами гулял. Я думаю, это было регулярно. Я помню хорошие прогулки, он с какими-то друзьями был. Много фотографировал нас. Так что, я думаю, по возможности он старался...

Н.В.: Старался.

Р.П.: ...нами заниматься. Но основная тяжесть лежала на маме.

Н.В.: Все-таки в то время женщины не работали, были с семьей, в кругу вашем интеллигентном.

Р.П.: Да-да, как правило не работали.

Окончание войны

Н.В.: И как потом получилось, после войны, как разыскали вашего отца? Именно по этому атомному

проекту?

Р.П.: Да.

Н.В.: Как его вычислили?

Р.П.: Это известно: Курчатов в свое время составил список немецких ученых.

Н.В.: А! То есть ученые друг друга знали.

Р.П.: Да. Значит, Курчатов составил список ученых, которых стоило пригласить и поговорить с ними. И в этом списке был мой отец.

Н.В.: Значит, наши были знакомы с работами немецких физиков?

Р.П.: Да-да!

Н.В.: А как они были знакомы? Разве переводилась тогда эта литература?

Р.П.: До войны литература не переводилась, но просто в журналах были [публикации]. По-видимому, они были и в России, немецкие журналы.

Н.В.: Могли быть.

Р.П.: Можно сказать, что до войны все-таки ученые знали...

Н.В.: Знали друг друга.

Р.П.: ...фамилии друг друга, да. Некоторые лично были знакомы, из российских ученых многие...

Н.В.: Так ведь ваш отец никогда не был в России до войны?

Р.П.: Нет-нет-нет, не был. Но его работы были известны. И по работам Курчатовым был составлен этот список. А получилось так: когда советские войска вошли в нашу деревню — это было уже в конце апреля, то есть буквально...

Н.В.: Прямо именно в деревню вошли!

Р.П.: Да-да-да, это уже к концу войны.

Н.В.: К концу войны. Вам страшно, наверное, было?

Р.П.: Да конечно, конечно страшно! Но в какой-то момент с отцом поговорили... Все-таки у нас был довольно большой дом, его даже называли замком. И кругом деревня. Конечно, внимание всегда концентрировалось на этот дом. Отца вызвали, с ним поговорили. И в один момент...

Н.В.: А он в этот момент уже был дома, с семьей?

Р.П.: Да! Он уже в конце апреля к нам приехал и остался.

Н.В.: Он приехал, потому что все уже рухнуло?

Р.П.: Да-да. Он даже где-то был... Когда он работал в Лейпциге, из Лейпцига он куда-то был откомандирован и уже не мог вернуться, потому что поезда уже не шли... Ему разрешили поехать к семье.

Н.В.: Уже все, катилась армия по Германии.

Р.П.: Да-да-да. Ну вот, и один из офицеров — не знаю, в каком чине он был: полковник, генерал, майор — побеседовал с ним и дал ему справку на русском языке, и никто из нас не мог прочитать. Ему сказали, что если придут, чтобы он...

Н.В.: Показал это.

Р.П.: Да. И это нас спасло от всех возможных...

Н.В.: И не занимали ваш дом, не остановились в вашем доме, да?

Р.П.: Да-да. По-видимому — но это моя интерпретация — этот офицер знал, до него дошло поручение искать немецких физиков. И когда он узнал, что мой отец один из таких, он ему эту справку дал.

Н.В.: Может быть, специально приехал.

Р.П.: Может быть, кто знает. К сожалению, потом эта бумага исчезла, и мы так и не узнали точно, что там было написано.

Н.В.: А как она исчезла, просто потерялась в семье?

Р.П.: Я не знаю. Может, кто-то отобрал.

Н.В.: Ну да, вы же еще маленьким были совсем.

Р.П.: Конечно. Но это я помню... У нас даже был такой случай. Не знаю, были это военные или не военные, там же разные были, ходили же по стране освобожденные узники лагерей...

Н.В.: Да-да-да.

Р.П.: Всякое было. Но как-то люди приехали и начали вывозить мебель, ковры и так далее, и тогда...

Н.В.: То есть все-таки...

Р.П.: ...отец пошел, показал [бумагу] — все вернули обратно.

Н.В.: У вас увезли и вернули обратно, да? Я не поняла.

Р.П.: Да, имущество из дома.

Н.В.: Вначале вывезли, а потом вернули? Как интересно!

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: А кто же это грабил? Кто там захватил это место?

Р.П.: Это сегодня трудно сказать. Я не знаю, просто не знаю...

Н.В.: Ну да, у вас в памяти не сохранилось.

Р.П.: Но я, например, помню, что после ухода последних частей немецкой армии — они же тоже проходили через наши места — было затишье, потом пришли узники одного...

Н.В.: А, первыми появились узники!

Р.П.: ...концлагеря, которых, по-видимому, уже освободили. Они шли, и у нас в подвалах нашего дома были склады разных магазинов, и отец просто открыл им двери, говорит: «Берите, берите».

Н.В.: Они голодные.

Р.П.: Голодные и одежда и так далее. Потом работали же в Германии многие...

Н.В.: Угнанные, что называется.

Р.П.: ...угнанные, которые вдруг стали свободными. Они тоже ходили. Помню, я себе смонтировал велосипед из старых частей и катался. И один говорит: «Дай прокатиться». Взял и...

Н.В.: И уехал!

Р.П.: ...больше я его и не видел!

Н.В.: Обманул ребенка!

Р.П.: Так что, конечно, всякие были.

Н.В.: Да-да. Им нужно было средство передвижения по Германии.

Р.П.: Ну да. И в этих условиях все-таки удалось сохранить имущество в нашем доме.

Н.В.: А возвращал имущество не тот офицер, который дал справку?

Р.П.: Нет, это уже другие. Там же части какие-то ехали...

Н.В.: Уходили.

Р.П.: Может быть, на несколько дней останавливались, потом уходили. Это было очень [интенсивное] движение.

Н.В.: В такое время вы попали. Но вы не прятались ни в каких погребках, ни...

Р.П.: У нас был довольно большой подвал, бывшая кухня была в подвале. Это очень большое помещение с большой печкой. И мы, когда подходили советские войска, все туда переселились.

Н.В.: И вместе держались.

Р.П.: Вместе держались.

 Фактически было всего несколько выстрелов. Было несколько погибших немецких солдат, но никаких военных действий не было. Все обошлось, но я помню, как увидел первых советских солдат...

Н.В.: Да-да-да.

Р.П.: Это, конечно, для нас страшно было.

Н.В.: Ну конечно! Знаете, у меня в памяти: когда немцы входят в деревню, для меня это мотоциклы едут. А у вас что было, танки, машины? Что пришло?

Р.П.: Танки. У нас была башня в доме, и отец меня позвал, мы поднялись наверх и видели, как за деревней — там проходила шоссе́йная дорога, как там танки идут, и гром доносился до нас. И тогда отец, по-видимому, понял, что части пойдут и другие, и мы спустились в подвал...

Н.В.: В эту кухню.

Р.П.: ...и там несколько дней ночевали, жили, потому что неизвестно было, что будет...

Н.В.: Да, случайный даже выстрел — можно было погибнуть.

Р.П.: Да-да-да. И я помню, как открылась дверь, и там несколько солдат были с автоматами, что-то говорили и кричали нам...

Н.В.: На непонятном языке.

Р.П.: ...на непонятном языке. Но, по-видимому, увидев нас — а тогда к нам еще приехали родственники из Кенигсберга, то есть нас было 10–12 детей...

Н.В.: А, только детей!

Р.П.: ...и несколько теток. И, увидев нас, они...

Н.В.: Уходили.

Р.П.: Уходили, да. Так что с нами ничего такого не случилось. Я помню один случай, отца вечером вызвали, он долго не возвращался, и мама очень беспокоилась. И действительно, какие-то офицеры его опрашивали. По-видимому, мы так это интерпретируем, думали, что он хозяин этого поместья... Но там были, как их называют — «остарбайтеры» они у нас назывались — то есть подневольные...

Н.В.: Работники.

Р.П.: ...российские или советские люди, которые в деревне работали. Они разъяснили ситуацию — нет, нет, это не он. И все обошлось.

Начало работы отца на СССР

Н.В.: А как потом ему предложили уехать? Тоже пришли — и...

Р.П.: Нет, это уже немножко позже, когда более-менее ситуация успокоилась, появилась комендатура советская. Отец понял, что может нас оставить, и поехал в Лейпциг — это было последнее место его работы, чтобы, посмотреть, что там с его лабораториями, узнать, где можно возобновить работу. И там узнал, что его уже ищут. Его на следующий день в комендатуру пригласили...

Н.В.: Уже в Лейпциге.

Р.П.: В Лейпциге, да. И там все началось. Взяли его. Он полгода в Дрездене был, в резиденции одного генерала, который отвечал, по-видимому, за Дрезден и его окружение. Там его познакомили с российскими учеными. В 45-м году целая группа советских физиков были одеты в форму полковников: они должны были искать в Германии следы...

Н.В.: Своих коллег, да. Это в Дрездене все происходило.

Р.П.: Это в Дрездене, да. Ученые с ним беседовали и в конце концов предложили ему работу...

Н.В.: Здесь, в России.

Р.П.: Здесь, да. И он согласился. Потом мы уже...

Н.В.: У него ведь, наверное, и выбора не было.

Р.П.: Это... трудно сказать. Он, конечно, до того как поехал в Лейпциг, мог поехать куда-нибудь на запад.

Н.В.: Да-да, бежать просто. Тогда же многие уезжали, бросали дома и уезжали.

Р.П.: Нет, он в это время, я так понимаю, уже был готов выбрать советскую сторону.

” Ему было предложено поработать здесь, и он ответил (это я помню, это он нам написал): «Если мои советские коллеги с этим согласны, я с удовольствием приеду».

Н.В.: А он один вначале уехал в Россию? Или все сразу?

Р.П.: Целая команда приехала к нам, собирала все наше имущество, погрузила на грузовики и увезла это все в Берлин и дальше в Москву.

Н.В.: То есть вы ехали с имуществом?

Р.П.: Да, с полным, со всем нашим [имуществом], как будто большой переезд.

Н.В.: Это же, наверное, для вас очень интересно было.

Р.П.: Ну конечно, конечно.

Н.В.: Машины ушли в Берлин, а вы поехали в Берлин отдельно?

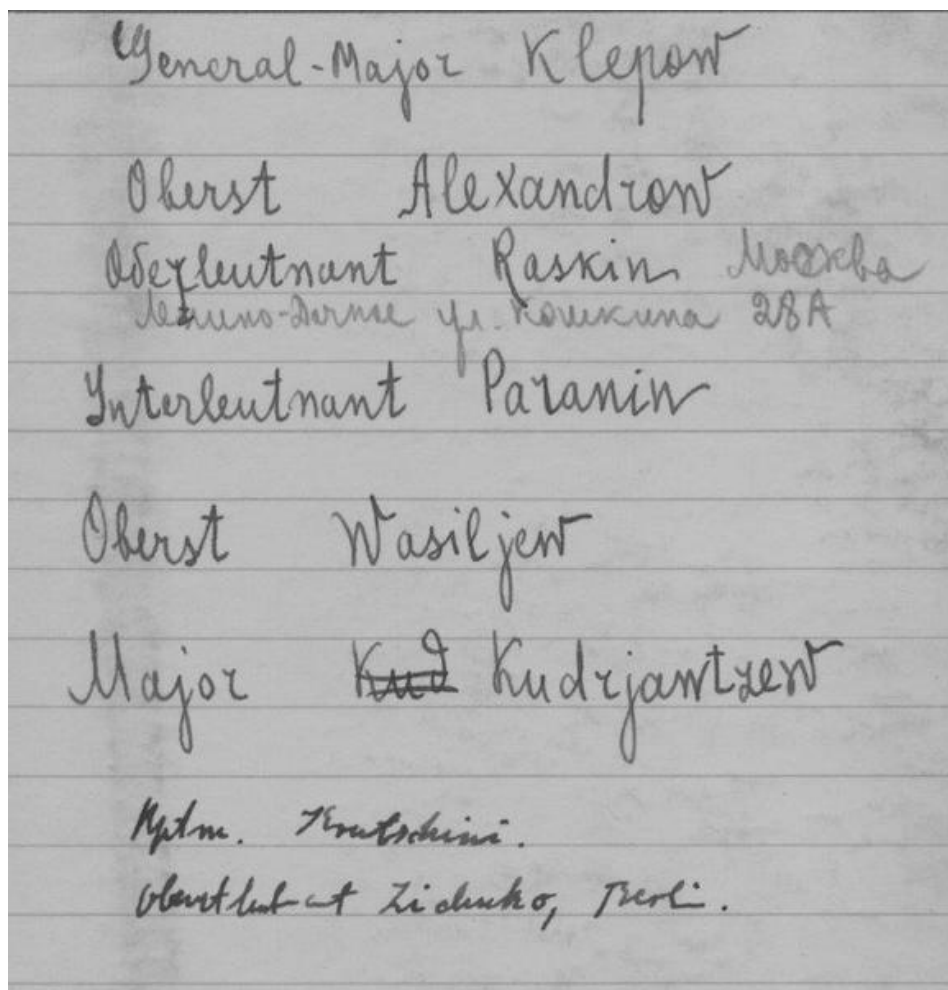
Р.П.: Нет, все вместе. Если я правильно помню, приехала одна легковая машина, она увезла маму с четырьмя детьми, или с тремя, не помню, а отец, я и, может быть, старшая сестра — в кузове грузовика поехали.

Н.В.: А из Берлина ехали уже ехали на поезде?

Р.П.: Нет, самолетом.

Н.В.: Самолетом?

Р.П.: Да-да.

Список первых контактов отца Рудольфа Позе в СССР

Н.В.: А вещи?

Р.П.: Вещи отдельно, поездом. Это уже без нас.

Н.В.: То есть гуманно все-таки: можно было взять вещи.

Р.П.: Мы в этом смысле никогда себя не чувствовали какими-то заключенными...

Н.В.: Ну да.

Р.П.: Нет-нет. Отец, уже потом, когда были в России разные ситуации, говорил: «Учтите, мы тут гости, должны вести себя как гости, а не как какие-нибудь...»

Н.В.: Я думаю, потому что, наверное, коллеги-физики его уважали, это все-таки другого типа отношения.

Р.П.: Да-да.

Н.В.: И куда вас привезли? В Москву вы прилетели?

Р.П.: Мы прилетели в Москву.

” Под Москвой есть вблизи Одинцова такое местечко Озеры. Оно не очень известное, красивое местечко, озеро. Там была дача, где когда-то Ягода жил. Она в ведении Министерства внутренних дел была. Туда нас поселили, и там были уже другие немцы...

Н.В.: Из разных мест, да?

Р.П.: Из разных мест, да. Мы там полгода жили, а отец в это время вернулся в Германию вместе с двумя офицерами советскими, и они подыскивали сотрудников для будущего института...

Н.В.: Уже для себя подыскивал...

Р.П.: Для себя, да-да-да. С ними поговорили и завербовали их, они тоже не насильно были вывезены, они тоже имели возможность не согласиться и скрыться.

Н.В.: Но главное — они имели возможность, когда [Красная] армия наступала, они могли бежать в американскую зону...

Р.П.: Да-да. Тут разные были варианты... Американцы, конечно, тоже...

Н.В.: Искали.

Р.П.: ...искали, брали всех, кому...

Н.В.: И многих нашли!

Р.П.: Многих нашли. К концу войны многое было вообще переведено в западную часть Германии, многие интересные работы, и американцы это старались, конечно, захватить. Многие потом могли, кто очень хотел...

Н.В.: Переехать...

Р.П.: ...переехать и убежать. А отец и не собирался...

Н.В.: А в Озерах уже он начал работать?..

Р.П.: Нет, в Озерах...

Н.В.: Или просто это был временный сбор, организационный?

Р.П.: Да, чисто организационно. Отец уехал в Германию на полгода и уже в августе вернулся, и мы переехали... Все наше имущество было в каких-то сараях или складах, в ящиках...

Дети Позе на даче НКВД в Озёрах. Февраль 1946 г.

Н.В.: В Озерах, да?

Р.П.: Да-да, в ящиках, и это все перевезли в Обнинское. Тогда это была станция Обнинское, теперь это город Обнинск.

Н.В.: Это же первая атомная станция.

Р.П.: Да-да-да. И там мы с 46-го по 55-й год жили.

Н.В.: Вообще-то долго. А как вы учили русский язык, уже в Озерах?

Р.П.: Да, там начали. Мы играли там с детьми. Я помню, один повар такой хороший, у него дети были, и мы с этими детьми играли, и, по-видимому, там уже начали.

Н.В.: А повар был — вас в столовой кормили? Это было типа базы отдыха, наверное?

Р.П.: Да-да-да. Сейчас этой дачи уже нет, я несколько лет тому назад там был, ее убрали. Но в моих воспоминаниях это очень хорошая...

Н.В.: Хорошее место.

Р.П.: ...большая дача.

Н.В.: Но в школу вы не ходили эти полгода.

Р.П.: Нет-нет. Там мы просто вольно...

Н.В.: Пережидали.

Жизнь в Обнинске

Р.П.: Да. А уже с августа 46-го года жили в Обнинске, но тоже там в школу мы не ходили. Мы фактически два года без школы были, хотя в Обнинске уже наши родители... Туда же приехали другие семьи немецкие...

Н.В.: Да-да-да.

Р.П.: И учителя сами начали учить нас. Один, скажем, английский нам преподавал. Была учительница, которая нам немецкий язык преподавала. Потом советское руководство пригласило учителей, которые русскому языку нас учили. И так постепенно началось...

Н.В.: Такая школа неформальная.

Р.П.: Неформальная, да. Но седьмой класс мы уже закончили по программе советской школы. Мы с сестрой были в группе старших детей, остальные были моложе нас.

Немецкие дети в гостях у семьи Позе. Обнинск

Н.В.: Маленькие еще. А где вы там жили? Там какие-то дома у вас были?

Р.П.: Там, в Обнинске, когда мы приехали туда, кроме деревянных всевозможных домов были два каменных дома трехэтажных, один большой — это стало потом институтом, и один поменьше, где сначала жили немецкие семьи. Но очень скоро началось строительство домов, и постепенно расселяли нас по разным квартирам.

Н.В.: Это был такой немецкий квартал, городок, как назвать?

Р.П.: Да-да. Ведь это местечко — Обнинское — очень маленькое было. Там до нас была детская колония, и одно время там жили дети испанских коммунистов.

Н.В.: А! Ну да, их же привозили, да-да-да!

Р.П.: Да-да-да. И там мы жили.

Химическая лаборатория объекта «В». Обнинск

Н.В.: А этих детей увезли испанских?

Р.П.: Этих всех увезли...

Н.В.: Детский дом этот...

Р.П.: Да-да-да, и все освободили. Сначала были только наши немецкие семьи, постепенно начали привлекать российских ...

Н.В.: Сотрудники начали приезжать. А что это — институт был, там институт сделали?

Р.П.: Да, фактически образовали институт.

Детский праздник летом. Обнинск

Н.В.: А как вы жили — без всякой проволоки колючей, без забора?

Р.П.: Вначале — да, но очень быстро стали строить заборы, нас закрыли забором, и потом уже...

Н.В.: И что внутри забора было?

Р.П.: Там был институт.

Н.В.: А, институт и дома на одной территории закрытой.

Р.П.: Да, но институт особенно был закрыт. Я помню, первое время мы могли ходить в институт. Не знаю, сколько времени это длилось, но нас, мальчиков, один из наших мастеров брал и учил нас механической работе.

Н.В.: В институте!

Р.П.: Да, это мне очень во многом помогло в жизни...

” Мы там на токарных станках работали, на фрезерных, учились пилить и строгать. Но потом институт закрылся, и уже, кроме сотрудников, никого не пускали.

Н.В.: А в школе вы вместе с русскими детьми учились?

Р.П.: Постепенно. Сначала были отдельные немецкие классы. Даже две учительницы из приволжских немцев, которые знали русский.

Н.В.: Тоже, наверное, специально привезли.

Р.П.: Их специально привезли, они нас учили по программе советской школы.

Н.В.: А вы, кстати, понимали приволжских немцев, они же как-то...

Р.П.: Да!

Снимок на память. Группа немецких и советских школьников во время поездки в Алушту. 1951 г.

Н.В.: У них язык... хороший, да?

Р.П.: Они прекрасно знали немецкий язык. Это очень приятные были люди. Постепенно некоторые предметы стали нам преподавать на русском языке. И мы втянулись в русский язык. Так что с восьмого класса мы уже учились вместе с русскими ребятами.

Н.В.: А эти ребята — дети сотрудников, да?

Р.П.: В основном из соседних деревень. Сотрудников мало было. У нас, по-моему, в девятом классе появились два мальчика, тоже дети сотрудников, а до этого это были дети...

Класс Рудольфа Позе. Обнинск, 1952 г.

Н.В.: Ну да, где-то же им надо было учиться. Это интересно было для деревенских детей, наверное! Они, наверное, немецкий язык выучили.

Р.П.: По крайней мере, мы им помогли. (*Смеется.*) Это я помню, да.

Н.В.: Получается, что вы в детстве окунулись в настоящую русскую жизнь, с деревенскими детьми. В детстве это очень полезно.

Р.П.: Да, но я же говорю: очень быстро нас закрыли забором, школа была за забором, новая школа с восьмого класса. Нас утром провожающий проводил в школу и потом сидел внизу...

Н.В.: Забирал.

Р.П.: ...целый день, пока мы не закончим. Поэтому у нас контакт с одноклассниками был только в школе. Мы об этом очень сожалели...

Н.В.: Вы все-таки были под присмотром.

Р.П.: Да-да-да. Так что...

Класс Рудольфа Позе в школе имени Шацкого. Обнинск, 1951 г.

Н.В.: Это из-за секретности?

Р.П.: Из-за секретности. В основном наша жизнь протекала в немецком окружении.

Н.В.: А магазины? Тоже были внутри, за забором?

Р.П.: Были, да.

Н.В.: А как — зарплату платили как обычно, и вы покупали в магазине на эти деньги?

Р.П.: Да-да-да. Конечно, не с самого начала. С самого начала был, по-моему, один магазин. Туда привозили что-то и где потом нужно было получить, за деньги. Тогда еще лимиты были.

Н.В.: Карточки были до 48-го года.

Р.П.: Лимиты были, да.

Юрген Рексер, Вольфганг Цахер и Корнелиус Вайсс на лыжной прогулке. Обнинск

Н.В.: И вам давали карточки?

Р.П.: Да-да-да. Но нам очень много дали, поэтому я помню, что не только моя мама, но и другие немцы отдавали русским лишние лимиты, потому что нам они не потребовались.

Н.В.: То есть вас лучше кормили.

Р.П.: Да, у нас снабжение было прекрасное.

Н.В.: По сравнению с тем голодным и дефицитным временем. Самое тяжелое время было...

Р.П.: Да-да-да. Конечно, не сравнить с тем, что было.

Н.В.: И вся семья жила, и как-то уже привыкли...

Р.П.: Постепенно, да, втянулись в эту жизнь, и она стала для нас привычной.

Н.В.: И остальные тоже — учились все, выучили русский язык...

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: И потом как?

Р.П.: Мы закончили десятый класс, получили аттестаты зрелости...

Юрген Рексер, Хельга Ваушкун, Вольфганг Цахер и Рудольф Позе в «зимнем обмундировании». Обнинск.

Н.В.: Вы были отличником?

Р.П.: Я с серебряной медалью окончил. По русскому языку, конечно, ошибки были...

Н.В.: Не было пятерки...

Р.П.: Не было пятерки, конечно. Еще один немецкий мальчик тоже с серебряной медалью закончил. Но мы были первый выпуск, за нами пошли следующие. Как правило, мы учились хорошо, и было интересно. Мы с удовольствием вспоминаем школу, наших преподавателей. Они старались, и хорошие были преподаватели, как правило.

Н.В.: Учились хорошо, потому что это традиция семейная? Или больше делать нечего было?

Р.П.: *(Смеется.)* Трудно сказать. Конечно, мама следила за мной...

Н.В.: Следила все-таки...

Р.П.: Я был, честно говоря, не очень прилежным учеником, по крайней мере, она часто со мной вела беседы. *(Смеется.)*

Н.В.: Но вас не наказывали?

Р.П.: Нет-нет.

Н.В.: В угол не ставили за двойку?

Р.П.: Я не помню, получал ли я двойки. Тройки у меня были, это я точно знаю, но насчет двойки... Я был достаточно умен, чтобы это обойти каким-то образом. *(Смеются.)*

Поступление в университет

Н.В.: Итак встал вопрос, что надо дальше учиться.

Р.П.: Должен сказать, что с какого-то возраста отец стал думать...

Н.В.: О вашем будущем.

Р.П.: ...о будущем, да. Он меня очень рано приучил к ручным работам. Он сам экспериментатор и очень увлекался радиотехникой. Он рано приобрел проигрыватель, начал собирать пластинки, у него потом огромная собралась коллекция пластинок. И он все время что-то улучшал. Помню, постоянно мотал новые трансформаторы, новые динамики появились, новые схемы. И он меня начал привлекать...

Н.В.: А вы — один мальчик, остальные сестры?

Р.П.: У меня брат еще. У нас три девочки и два мальчика. Причем так: девочка, мальчик, девочка, мальчик, девочка.

Н.В.: То есть брат младший.

Р.П.: Да-да. Брат тоже физик. Да, и отец приучал к всевозможным работам, так что я очень рано умел паять, например.

Н.В.: Потрясающе.

Р.П.: Я говорил о механике, который нас приучал к такому труду. Я помню, отец приобрел новый проигрыватель, но без коробки, просто механику. Нужно было делать каркас, и он мне задание дал. И я его сделал из досок. Он все своей линейкой померил, посмотрел и сказал: «Хорошо сделано, принимаю. Теперь ты можешь маме помогать со всеми техническими делами, я уже не буду вмешиваться». Он, по-видимому, был очень рад!.. *(Смеется.)*

Н.В.: Делегировал свои обязанности.

Р.П.: Очень рад был, что я могу клеить и так дальше.

Н.В.: Но он хотел, чтобы вы были физиком? Что он думал об этом?

Р.П.: Думаю, он рад был, но не давил в этом смысле. Я помню два момента. Один момент — я тогда очень увлекался теннисом, я мог, особенно в каникулы, с утра до вечера...

Н.В.: А у вас там был корт?

Р.П.: Да, немецкие сотрудники построили два теннисных корта, и мы все увлекались теннисом. Даже моя мама играла. Я должен был ей кидать мячи, когда она играла в теннис. И, по-моему, кто-то из, даже из русских коллег обратил его внимание: «Что-то ваш сын очень много времени проводит там, это нельзя, надо что-то решать».

И отец мне дал книжку, элементарную книжку о дифференциальном и интегральном исчислении. Этого же в школе тогда не преподавали.

Н.В.: Да-да.

Р.П.: «Вот, прочитай эту книгу. Если у тебя вопросы будут — спроси». Я прочитал ее, вопросов у меня

особых не возникло. И я, когда закончил школу, уже дифференциальные и интегральные исчисления элементарные знал...

Н.В.: То есть уже университетский курс...

Р.П.: ...уже владел этим, да.

Н.В.: То есть он вас исподволь готовил к научной работе.

Р.П.: Да-да-да, потихоньку готовил. И потом, я очень тоже помню, он мне давал книгу английского физика Брэгга — их было двое, отец и сын, я не знаю точно, кто ее написал, сын или сэр Уильям Брэгг: «Что такое материя». И книга на меня подействовала. Я тогда решил, что я хочу это понять и стать физиком.

Н.В.: А вашему брату тоже он давал?

Р.П.: Этого я, честно говоря, не знаю.

Н.В.: У вас большая с братом разница?

Р.П.: Семь лет. Он намного моложе. Я помню его маленьким мальчиком, когда мы были вместе, а потом я уже был студентом и так далее...

Н.В.: Вы были уже взрослым.

Р.П.: А эта книга... Она, кстати, до сих пор у меня хранится. Я тогда решил, что хочу стать физиком. Мне это было интересно... Вместе с математикой это были мои любимые предметы в школе. И я постепенно в это втянулся.

Н.В.: Вы в Саратовский университет поступали?

Р.П.: Да-да. Когда мы уже подошли к аттестату зрелости, вопрос встал, что дальше, и ясно было, что мы с сестрой хотим учиться. Она интересовалась биологией, я — физикой. Мы советовались с учителями. У нас был очень любимый нами учитель математики, который учился в Свердловске. И он нам тогда рекомендовал Свердловск.

Н.В.: Свердловск.

Р.П.: И отец обратился к своему начальству, чтобы нам дали возможность учиться. Пришло разрешение учиться именно в Саратовском государственном университете. Соображения тут были одни: Москва — это было слишком... Легко было встречаться с какими-нибудь нежелательными людьми. По-видимому, считалось...

Н.В.: Да-да-да, слишком много иностранцев.

Р.П.: ...что Саратов в этом смысле лучше. И вот с сентября 52-го года мы с сестрой и сопровождающим...

Н.В.: А, еще и сопровождающий!

Р.П.: Да, мы же из зоны — только с сопровождающим.

Н.В.: А как это: «сопровождающий»? В Саратове же он не мог с вами жить все время...

Р.П.: Нет, там нас потом освободили...

Н.В.: Оставили.

Р.П.: Он нас...

Н.В.: Довез просто.

Р.П.: ... довел, привел к заместителю ректора, у которого уже соответствующие письма...

Н.В.: Да-да-да, разрешения.

Р.П.: ...«сверху» были, познакомил нас и через день уехал. Мы остались одни.

Н.В.: И вы уже на свободе остались. В Саратове вы уже могли гулять, ходить...

Р.П.: Был запрет говорить, откуда мы и кто наши родители.

Н.В.: А вот, интересно: у вас же немецкий акцент...

Р.П.: Нет, это ясно, что мы немцы, — это да...

Н.В.: Ну да, поволжские немцы.

Р.П.: Но как мы оказались — чтобы мы об этом не говорили. Мы из Москвы, и все, и нам нельзя было посетить вокзал, порт и аэропорт, то есть там, где была...

Н.В.: Чтобы бежать, уехать.

Р.П.: ...возможность уехать или встречать кого-то...

Н.В.: Или встречаться с тем, кто приехал.

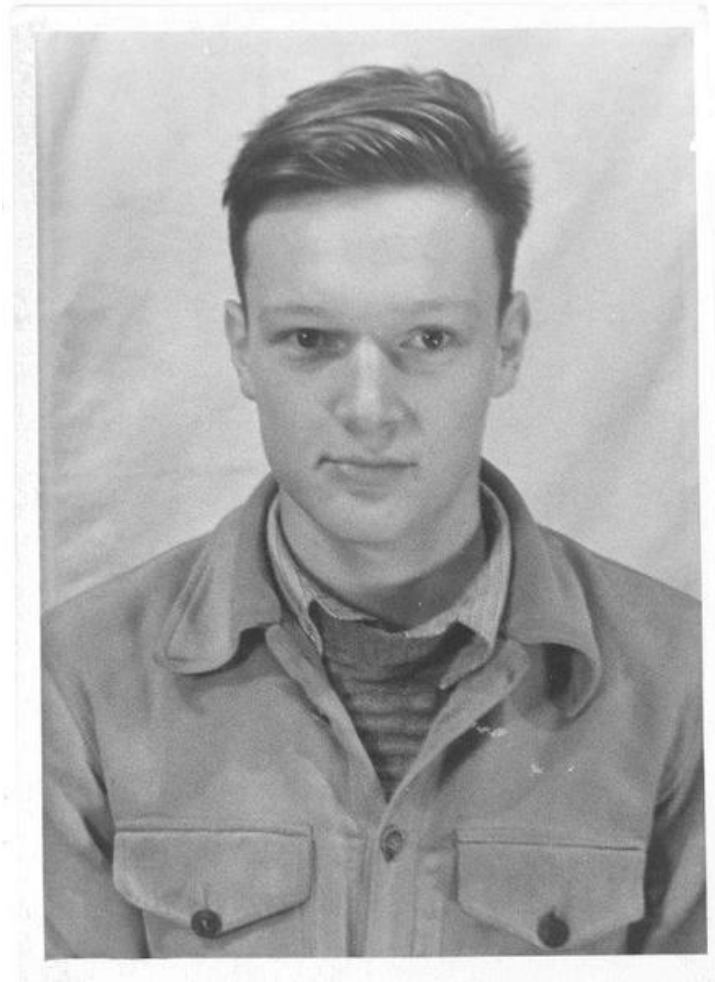
Р.П.: И тоже я... Один раз, или по приезде, мы должны были отметиться в одном заведении...

Н.В.: То есть вы уже приехали в Саратов, и это вам семнадцать-восемнадцать...

Р.П.: Да, мне восемнадцать.

Н.В.: То есть вы были уже сформировавшимися людьми.

Р.П.: Но когда я сегодня смотрю на это время, с одной стороны — да, но с другой — мы, конечно, были совершенно не приспособлены к нормальной жизни.

Рудольф Позе — студент. Саратов

Н.В.: Потому что жили все время...

Р.П.: Жили в кругу семьи. Закрытом. Если какой-нибудь вопрос, мы знали, куда звонить, к кому обратиться, и вопрос решался. А тут вдруг мы были... Я помню такие смешные случаи. Нас поместили в общежитие — тогда они еще разделенные были: для мальчиков и для девушек, но в одном месте. Я поселился у мальчиков, сестра у девушек, устроился...

Н.В.: У мальчиков отдельные комнаты были в общежитии?

Р.П.: Нет, на восемь человек комната у нас была.

Н.В.: У! (*Смеются.*)

Р.П.: Там уже были условия как у всех. И у девушек было примерно так же. И вот мы с сестрой вышли и очень осторожно начали гулять, боясь заблудиться.

Н.В.: Да-да-да, в чужом городе.

Р.П.: Записали адрес, чтобы в случае чего мы могли спрашивать, как вернуться. То есть мы постепенно начали приобщаться...

Н.В.: Вам стипендию платили? На что вы жили? Или вам родители давали?

Р.П.: Нам родители давали деньги, но потом мы там получили стипендию, хорошую стипендию, так что родителям вообще не надо было ничего присылать...

Н.В.: То есть стипендию больше, чем другим...

Р.П.: Да-да-да. У нас, помню, тогда было 500 рублей, а другие студенты получали стипендии в районе 200–250 рублей, в таком духе.

Н.В.: Ну, да, то есть специальную стипендию вам дали.

Р.П.: Да-да. Мы на нее могли спокойно жить. Это, конечно, так...

Жизненные принципы семьи

Н.В.: Но вы уже были немецкой культуры люди...

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Я, знаете, часто вспоминаю, вы как-то сказали, что ваша мама говорила: прежде, чем убрать старое полотенце, нужно убедиться, что есть новое.

Р.П.: Что новое есть, да.

Н.В.: Это немецкая пословица или это мудрость вашей мамы?

Р.П.: Это моей мамы... Но я думаю, ее тоже так учили.

Н.В.: Потрясающе! Это же так умно на самом деле!

Р.П.: Да. Знаете, моей маме не повезло в том смысле, что ее мать ее не любила. И отец это хорошо видел, понимал, и отдал ее на воспитание в специальную школу, где приучали девушек к роли будущей хозяйки. И она там очень многому научилась. Вполне возможно, что и этому.

Н.В.: А какие-то вы еще помните принципы жизни, чему вас в семье научили?

Р.П.: Наверное, есть такие вещи, просто они так усвоились, что зачастую трудно их...

Н.В.: Ну да, не сформулируешь.

Р.П.: ...как-то сформулировать. У нас так, например, в Обнинске отец всегда приходил на обед. В половине второго был обед, всю жизнь. Потом, когда мы вернулись в ГДР, и родители жили в Дрездене, я знал: если ехать к родителям, надо попасть до половины второго либо после трех...

Н.В.: Порядок такой.

Р.П.: Порядок. И как надо вести себя за столом: мы должны были молчать.

Н.В.: Дети не перебивают, не вмешиваются.

Р.П.: Дети, да, да.

Есть такая поговорка: «Kindern bei Tisch — stumm wie ein Fisch» — «Дети за столом молчат как рыбы».

Н.В.: Как рыба, да.

Р.П.: Конечно, не во всей строгости, но придерживались таких порядков... И отец не любил, чтобы мы сильно шумели. Нет, порядки такие были у нас. Отец после обеда минут двадцать отдыхал на диване, тогда следовало соблюдать в доме абсолютное спокойствие и тишину. Не дай бог дверью хлопнуть

или что-то такое. Это было строго. И мы как-то к этому привыкли... В этом смысле, конечно, моя мама очень следила за порядком.

Жизнь в общежитии

Н.В.: (*Смеется.*) Значит, вам, таким воспитанным детям — это я почему вспомнила, отклонилась — трудно было в общежитии, там же разные ребята.

Р.П.: Да, там много, много было не так, как у нас. (*Смеются.*) Я не знаю, как это сейчас, но в то время мы спали в ночных рубашках. И мужчины, и женщины. И нормально: у мужчины такая длинная рубашка. В Саратове в первый же вечер, ложимся спать — я надеваю рубашку. Там хохот! (*Смеются.*)

Н.В.: Даже мне сейчас смешно!

Р.П.: Ну да, я тоже это сейчас понимаю! Там хохот! Я даже не понял, в чем дело. Вот такие вещи...

Н.В.: А все — в майках.

Р.П.: Ну да! У нас один китаец в комнате был...

Н.В.: У вас еще и китаец был? Откуда же китаец?

Р.П.: Ну, тогда дружба...

Н.В.: По обмену...

Р.П.: Да-да-да. Я сейчас об этом расскажу. Он больше всех веселился. И таких случаев было, конечно, много. Кстати, в Саратове — для нас это было интересно — много было студентов из стран народной демократии, как в университете, так и в других вузах. В Саратове очень много вузов было. Мы учились с румынами, поляками, венграми, то есть со всеми. Это для нас было тоже новое. Новый мир... Это было очень интересно, очень.

Н.В.: А они тоже на русском языке говорили?

Р.П.: Ну да. Некоторые были подготовленные. Помню, в моей группе был один румын, физик, Николай, приятный, хороший парень, который очень плохо был подготовлен по русскому языку. Ему очень трудно было учиться. Ему нужно было помогать, и мои русские однокурсники как-то не очень сумели, и оказалось, что я лучше всех мог ему помогать, объяснять. Наверное, потому, что понимал, где его проблемы могут быть...

Н.В.: Да-да. А вы жили коммуной в общежитии или независимо каждый?

Р.П.: Нет, в принципе каждый сам по себе... Нас, то есть меня и мою сестру, поселили в комнату с филологами, из-за языка. Это были очень хорошие, приятные ребята, старшекурсники, и мы очень дружно жили. Там были очень бедные, надо сказать, буквально...

Н.В.: Вообще все были бедные тогда.

Р.П.: ...чуть ли не голодали. Но там помогали все друг другу. У нас был такой принцип: у каждого была своя...

Н.В.: Тумбочка.

Р.П.: Тумбочка, да. Был один шкаф...

Н.В.: Большой.

Р.П.: ...на восемь человек, и у каждого тумбочка. Остальные вещи — в чемодане под кроватью.

Н.В.: Да-да.

Р.П.: Ну, это вам знакомо. И в тумбочке хранились хлеб и такие вещи. И, если что-то нужно — можно было брать у другого. Но нужно было оставлять минимум на одну порцию, чтобы не получилось, что человек пришел, голодный, а тут все съели. Так всегда было. И это работало...

Н.В.: Неписаное правило.

Р.П.: Неписаное правило. И это работало...

Н.В.: А если что-то из дома присылали, тоже все вместе ели?

Р.П.: Да...

Н.В.: Гостинцы когда кому-то присылали?

Р.П.: Да-да, это было правило. У нас кухня была внизу в общежитии, там можно было готовить, и кто-то ходит по комнате и говорит: «Вот у меня кусок мяса. У кого еще что-то есть, давайте суп сварим».

Н.В.: Вместе!

Р.П.: И так солянку сборную готовили или что-то такое.

Н.В.: И потом вместе ели.

Р.П.: Потом вместе ели, да. Это приятно было, конечно.

Н.В.: А учиться интересно было в Саратовском университете?

Р.П.: Да-да, в общем да. И очень...

Н.В.: Говорят же, что Саратовский — сильный университет.

Р.П.: Это сильный университет.

Н.В.: Что там математическая хорошая школа.

Р.П.: Да-да, физическая хорошая. По-моему, биология тоже. Мы много общались с филологами, по-моему, это тоже очень серьезный факультет был. И что было хорошо — это небольшой университет, и город небольшой. И были какие-то человеческие контакты с преподавателями. В Саратове была хорошая консерватория, оркестр, и мы с сестрой одними из первых наших абонемент купили на симфонические концерты. Оказалось, многие преподаватели тоже там были, мы там с ними знакомились, общались. Это была очень приятная, почти семейная атмосфера.

Н.В.: Да-да-да, это важно очень в университете...

Переезд в Дубну

Р.П.: Когда я потом перевелся в Москву...

Н.В.: А вы в каком году перевелись?

Р.П.: В 55-м.

Н.В.: Еще не было нового здания Университета?

Р.П.: Как нет, было уже.

Н.В.: А я думала, его в 56-м...

Р.П.: Было уже, селились на Ленинских горах. Я думаю, может, за год до того ввели в строй. (*Здание было*

введено в эксплуатацию 1 сентября 1953 года. — Ред.)

Н.В.: А как получилось? Вы сами хотели переехать или вам предложили перевестись в Московский университет?

Р.П.: Нет, мы хотели. Тем более что я, например, хотел на ядерную физику, а такой специализации в Саратове не было. Там все было сосредоточено на электронной физике.

Н.В.: Вы хотели на ядерную физику, потому что отец этим занимался и вы жили в этой среде?

Р.П.: Да-да, я был под сильным влиянием отца, хотя он не давил совершенно. Это, по-видимому, мое стремление к чему-то прийти было. Я хотел пойти на ядерную физику. Ну и поближе к родителям, это ясно. И поэтому в 55-м году отец переехал сюда, в Дубну.

Н.В.: То есть там закрылся этот проект или просто строилась Дубна, и его пригласили?

Р.П.: Нет, по-другому.

” В 52-м году все немцы, не только из нашего объекта, но и из других, стали готовиться к отъезду домой, в Германию. А отец попросил остаться еще в России, но работать на открытом проекте. Он понял, что если вернется в Германию, там надо будет заниматься созданием нового института и на факультетах что-то вести. А ему хотелось углубиться в науку. И он просил поработать еще некоторое время, но на открытом объекте.

Н.В.: То есть он считал, что работа здесь в научном плане ему полезна и продуктивна.

Р.П.: И интересна, да. Рассматривались различные возможности, и в конце концов остановились на Дубне, на работе на новом синхротроне при больших энергиях. Это его очень интересовало, у него уже были представления, что надо изучать. В конце концов было дано согласие, и летом 55-го года мы переехали ...

Н.В.: Сюда, в Дубну.

Р.П.: ...в Дубну, и нам с сестрой разрешили перевестись из Саратовского в Московский университет.

Н.В.: Ну да, и близко и вам тоже было.

Р.П.: Уже следующий этап здесь был.

Н.В.: А Дубна же тоже была закрытым объектом?

Р.П.: Да, но не забором. Тут, единственно, дорога и шлагбаум... Но к этому времени уже пускали, не закрытый был уже город. Уже, помню, то ли в 54-м, то ли в 55-м было интервью с Бруно Понтекорво, который исчез в 50-м году, и никто не знал, где он...

Н.В.: И вдруг появился.

Р.П.: Никто не знал, а он был здесь, в Дубне. Так что Дубна уже открывалась, и нас перевезли сюда.

Н.В.: И вы опять со всем скарбом, со всем своим немецким имуществом...

Р.П.: Да, опять!

Н.В.: На подводах... (Смеется.) На грузовиках!

Р.П.: Да-да-да. Нам было интересно, куда же нас везут. Мы ехали из Обнинска... МКАД тогда не было,

значит, по-видимому, через Москву. Потом из Москвы — деревни, деревни, каналы... Куда же нас везут?

Н.В.: Но папа, наверное, уже ездил, он видел...

Р.П.: Да-да, он был здесь, ознакомился с институтом, поговорил с сотрудниками. И уже знал, куда мы...

Н.В.: А где вы жили? Вам дали квартиру?

Р.П.: Да, на улице Флерова в таком же доме. Мы всей семьей в квартире жили, где сейчас с Ниной вдвоем живем.

Н.В.: То есть уже построили эти коттеджи для сотрудников?

Р.П.: Да... Как раз центр уже стоял, эти желтые дома.

Рудольф Позе — выпускник МГУ. 1958 г.

Н.В.: Все эти желтые дома. Говорят, их тоже немецкие пленные строили.

Р.П.: Этого я не знаю, были ли то немецкие пленные. В основном объекты, связанные с атомным проектом, строили заключенные. Были ли среди них немецкие...

Н.В.: Может быть, и наши.

Р.П.: ...я сомневаюсь, честно говоря. Но это было под эгидой Министерства внутренних дел. Обнинск, кстати, тоже.

Н.В.: Закрытые объекты.

Р.П.: Да. И там, где строились дома, вокруг тоже были заборы, в них утром вели заключенных, вечером выводили. Но мы, дети, с ними контактировали, находили пути с ними встречаться. Это все там было.

Н.В.: В Обнинске.

Р.П.: В Обнинске...

Н.В.: Значит, вы переехали сюда, и родители жили тут с младшими детьми, а вы с сестрой поехали в университет.

Р.П.: Ну да. У нас были комнаты на Ленинских горах, и мы в выходные, в каникулы сюда приезжали.

Н.В.: И учились уже в новом здании университета. Физфак был там же, где и сейчас.

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: А на физфаке вы у кого учились, кто были ваши профессора?

Р.П.: Квантовую механику мы у Ландау слушали, у Балдина, который потом здесь был директором одной лаборатории теоретической физики. Я же был здесь с четвертого курса, когда началась специализация... Крошев нам читал. Петухов, которого уже знали с Обнинска. Некоторых из ассистентов, которые вели семинары, я уже знал, потому что это...

Н.В.: Они сотрудничали с Обнинском.

Р.П.: Да-да. А дипломную работу я уже здесь, в Дубне делал и потом остался еще.

Н.В.: Ваш научный руководитель был отсюда, из Дубны?

Р.П.: Да-да. Я полностью ее здесь сделал и здесь защитил.

Н.В.: Раньше же практика была, вы сюда поехали на практику...

Р.П.: Да, сначала в 56-м году летом, а потом, со второй половины 57-го, я здесь...

Н.В.: То есть вы один из старожилов Дубны, можно сказать. Все на ваших глазах тут создавалось. И после вас уже приезжали другие немцы?

Р.П.: Да, и...

Н.В.: Я, вот, не помню, хотя слушала же доклад на конференции...

Р.П.: Я вам сейчас скажу.

Н.В.: ...он сразу создавался как международный центр, Дубна?

Р.П.: Нет, Дубна создавалась в рамках атомного проекта... В конце 46-го года началось здесь строительство синхроциклотрона. Это следующее поколение ускорителей. Директором был Мещеряков Михаил Григорьевич.

Н.В.: Да-да-да, ему же памятник там стоит.

Р.П.: Именно. И улица наша — улица Мещерякова.

В 49-м году ускоритель был запущен ко дню рождению Сталина, и институт к этому времени уже набрал сотрудников, велись научные работы. То есть в 55-м году это был уже известный институт с научной полноценной программой.

Н.В.: Работающий. Ваш отец уже знал, куда едет.

Р.П.: А Объединенный институт ядерных исследований был образован в 56-м году, через год после нашего приезда.

Н.В.: Уже после ЦЕРНа. Вы говорили, что это послужило, так сказать, каким-то толчком, симметричный ответ.

Атмосфера академгородка. Сотрудничество с иностранцами

Р.П.: Да-да-да. И тогда уже сюда приехали иностранцы, в том числе немцы, из всех стран-участниц. Здесь для нас создавался международный коллектив, который мы уже знали из Саратова фактически. Это было очень-очень интересно.

Н.В.: Как вы считаете, это полезно оказалось для вашей жизни, интересно?

Р.П.: Да. Это расширяет кругозор, потому что сколь бы вы ни были открыты, готовы принимать что-то новое, вы сами не чувствуете, как привязаны к тому, к чему привыкли. И вдруг видишь, что есть стороны жизни, стороны мира, на которые ты не обращал внимания до сих пор.

В этом смысле я очень рад, что, как вся моя жизнь прошла фактически в Дубне, в ОЯ или близко к ОЯ, и с этим международным коллективом. Кстати, и наша физика, физика элементарных частиц, без международного сотрудничества не была бы такой, какая она есть.

Н.В.: Это поразительно, да. В науке это очень важно — общение и совместная работа. Поразительно, в самые годы советские, которые теперь мы все критикуем, такое было международное сотрудничество, такая открытость.

Р.П.: Да, это было исключением из общей жизни. Как раз я это знаю от немецких сотрудников. Наверное, то же самое можно сказать и о сотрудниках других стран. Для них это был просто выход в свет из этого узкого ГДР. И я знаю многих, которые с некоторой настороженностью сюда ехали... И даже помню некоторых моих сотрудников, которых я сюда командировал: я должен был сильно уговаривать их поехать. Никто из них потом, так сказать, не вернулся. (*Смеется.*)

Н.В.: А что все-таки вдохновляло? Я правильно понимаю, что эта творческая атмосфера, атмосфера поиска, да?

Р.П.: Конечно, да-да. Это, наверное, касается не только Дубны, но и других специализированных городов: у вас жизнь не разделяется на работу и досуг или работу и семью. Здесь работа кругом. Вы живете в работе и работаете в жизни. Если вы выходите на улицу — вы встречаете коллег, если вам нужно решить какую-то проблему не по вашей специальности — рядом есть человек...

Н.В.: К соседу.

Р.П.: ...к которому ты пойдешь и с ним это обсуждаешь.

Н.В.: Ведь разные есть мнения, потому что многие, кто жил в таких научных городках, в том же Пущине или в новосибирском Академгородке, жаловались, что, с другой стороны, это очень тяжело, потому что одни и те же люди, и ты как в деревне всегда на виду у других людей, это очень сковывает. И не хватает свободы. Вы этого не чувствовали?

Р.П.: Нет, совершенно наоборот, я себя чувствую свободным. Знаете, я думаю, это зависит от характера. Я, например, знаю: есть люди, даже известные ученые, или люди искусства, художники, которые могут работать в кафе в каком-нибудь. Я бы, например, не смог. Я даже, если работаю, не люблю музыку. Когда я работаю, должна быть тишина. А другие наоборот, когда хотят углубиться в работу, включают музыку, так что...

Н.В.: Ну да. То есть была атмосфера не только института — атмосфера города.

Р.П.: Да, это так.

Н.В.: А как вы время проводили вне работы?

Р.П.: Здесь, в Дубне?

Н.В.: В Дубне.

Р.П.: Во-первых, в Дубне всегда летом Волга, теннис, кто может гулять, гуляют, но обычно даже чем-то активно занимаются. Зимой на лыжах. И всегда музыка меня сопровождала. У меня тоже большая коллекция раньше была пластинок, сейчас CD, DVD и так дальше. Много читаем.

Лыжная прогулка детей Позе. Дубна, 1956 г.

Н.В.: А у вас было принято, как всегда говорят, собираться на кухне, обсуждать проблемы.

Р.П.: Нет, у нас этого нет, во-первых, потому что у нас всегда была такая комната... У нас не на кухне...

Н.В.: Ну, «сидеть на кухне» — это символически.

Р.П.: Да-да. Я, например, когда был у родителей — еще здесь жили, была такая привычка: если, скажем, немецкая делегация или какой-нибудь немец приезжает в Дубну, — обязательно приглашали к нам...

Н.В.: Открытый дом.

Р.П.: Открытый всегда. И это распространилось не только на немцев, но и на других людей.

Н.В.: Правильно я поняла, что ваша семья центром была этого интернационального сообщества?

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: Центром притяжения.

Р.П.: По четвергам поздно вечером у нас была музыка.

” Отец заранее составлял, что будем слушать, у него программа на два часа была с перерывом, когда мама готовила чай и свою выпечку какую-то. Мы слушали музыку, а до и после, в перерывах, — беседовали о чем: то о науке, то... А если, например, приезжали сюда писатели, люди культуры, обязательно их приглашали.

Штефан Хайм читал нам вещи из своих новых романов. Это было у нас было очень популярно. Так что жизнь...

Н.В.: Ну да, сюда же, наверное, много приезжало людей. Я знаю, в Москве многие вспоминают о поездках в Дубну, это место считалось центром культуры.

Р.П.: Да-да.

Научная работа после университета

Н.В.: А какой темой вы стали заниматься, когда сюда приехали после университета?

Р.П.: Я в Лаборатории ядерных проблем работал, на том же первом ускорителе. Моя задача была измерить энергетический спектр пучка нейтронов. Из ускорителя выводился пучок протонов, протоны ударялись в мишень, из мишени вытекал пучок нейтронов, и спектр этого нейтрона я должен был ловить. Он был ранее измерен, но нужна была большая точность, а новая электронная техника это позволяла. Передо мной поставили такую задачу, но я это не один делал, одному нельзя...

Н.В.: Группа большая была?

Р.П.: Группа была из четырех человек, во главе с Владимиром Борисовичем Флягиным. Он был руководителем, и мы измерили этот спектр. Это моя первая была работа. Дипломная работа.

Н.В.: И потом вы там работали по этой теме?

Р.П.: Нет, когда я закончил, в Лаборатории образовалась новая группа, или новый сектор, потому что тогда появились так называемые пузырьковые камеры. Это прибор, в котором регистрируется взаимодействие частиц, и их фотографируют. Получаются снимки... Вы видели, наверное, такие снимки, где видны треки частиц, и их нужно было точно измерить. Это очень кропотливая работа, которая изначально велась

под микроскопом. И так как нужно обрабатывать тысячи и десятки тысяч таких снимков, люди начали думать об автоматизации этих процессов. В Лаборатории были определенные идеи, и для этого образовался сектор, и мне предложил директор Лаборатории войти в эту группу. И я это сделал. И с 58-го по 61-й год в этой группе работал.

Н.В.: Занимались этой темой.

Р.П.: Полуавтомат создали. А потом я уехал в Германию. То есть я фактически с 46-го по 61-й год жил здесь.

Возвращение в Германию

Н.В.: Если я правильно понимаю, в Германию вас вызвали.

Р.П.: Да.

Н.В.: А отец ваш еще не уезжал в Германию?

Р.П.: Нет, он раньше, в 59-м году. Вся семья в 59-м году.

Н.В.: Он сам захотел уехать?

Р.П.: Да.

Н.В.: Или его тоже...

Р.П.: Нет, работы, которые он задумал, они здесь подошли к концу, и у него все-таки...

Н.В.: А ему сколько лет тогда было, в 55-м?

Р.П.: Пятьдесят.

Н.В.: А, молодой еще.

Р.П.: Да, но он же все-таки университетский профессор, он любил лекции читать, работать со студентами. И, по-видимому, это его начало привлекать. Сначала он по совместительству начал читать лекции в Германии...

Н.В.: В каком университете?

Р.П.: В Дрездене, в дрезденском. Там был факультет ядерной физики, он начал читать там лекции.

Н.В.: Ездил туда-сюда.

Р.П.: Да-да-да, ездил, не знаю, в каких перерывах...

Н.В.: Значит, ему разрешили свободно ездить.

Р.П.: Да-да.

” У нас ведь до 56-го года не было гражданства. Мы были вывезены из разрушенной Германии...

Н.В.: Ну да, еще не получив паспорт ГДР.

Р.П.: Ничего. Там образовались ГДР, ФРГ и так дальше, а мы тут были «за забором». Вообще документов не было. И мне и сестре, когда мы переехали в Саратов, нам дали так называемый вид на жительство. Это типа паспорта книжка, по-видимому, она выдавалась гражданам других стран, которые долго жили в СССР. Там была графа «выдан на основе» — и двоеточие. Обычно пишется «национального паспорта

такого-то».

Н.В.: Да-да.

Р.П.: А у нас было то ли «выдано на основе...», то ли «без основания» — что-то такое, какая-то странная формулировка. То есть был просто вид на жительство. И он как паспорт нам служил.

Н.В.: Но вы ведь не голосовали, ничего.

Р.П.: Нет-нет-нет. И на связи с посольствами у нас был запрет.

Н.В.: Даже связи с немецким посольством? Ведь уже было посольство ГДР.

Р.П.: Да-да-да, запрет.

Н.В.: Даже не ходили мимо посольства ГДР?

Р.П.: Нет. И только в 56-м году... Когда немецкая делегация участвовала в переговорах о создании Объединенного института ядерных исследований, мой отец еще не был допущен, и даже скрывали, где он находится. А скоро после этого ему разрешили связаться с гэдээровским посольством, мы все получили немецкие... гэдээровские паспорта...

Н.В.: А что значит «разрешили»? Он просил?

Р.П.: Да.

Н.В.: Какой-то первый отдел или что-то, куда он обращался...

Р.П.: Ну да. И нам разрешили уже связаться именно с посольством ГДР. И, по-моему, отец в 56-м году впервые поехал в Германию.

Н.В.: Вначале просто посмотреть.

Р.П.: Да-да-да. И там его...

Рудольф Позе с сыновьями Яшей и Мишей на даче под Берлином

Н.В.: А ваш дом сохранился, где вы жили в Халле?

Р.П.: Нет, в Халле у нас только квартира была арендованная, мы ее сдали тогда. А поместье — оно сохранилось.

Н.В.: Сохранилось?

Р.П.: Да-да. Мой дедушка — он в ГДР еще работал, он умер в 57-м году. И у него это сохранилось. А после его смерти бабушка это отдала или продала, за небольшие деньги, государству, потому что это было слишком дорого...

Н.В.: Содержать.

Р.П.: Содержать, да. Мой отец и сестра старшая, они в 56-м году впервые поехали в ГДР и еще застали дедушку, а мы с мамой потом собирались, но в феврале пришло известие, что он скончался, и мы только на похороны успели.

Н.В.: А младшие здесь жили, оставались.

Р.П.: Они еще здесь оставались...

Н.В.: Они тоже все работали в Дубне?

Р.П.: Нет. Мой брат в МГУ учился, тоже на физическом факультете.

Н.В.: И тоже успел здесь сделать дипломную работу.

Р.П.: Здесь, да.

Н.В.: А сестры младшие?

Р.П.: Младшие уже в Германии учились.

Н.В.: Но в школе здесь, наверное, учились, в Дубне?

Р.П.: В школе здесь, в Дубне. Средняя сестра, по-моему, здесь десятый класс закончила, а младшая... Нет, и Дитрих, брат, здесь, 4-ю школу закончил, а младшая сестра уже закончила школу в Дрездене.

Н.В.: Когда семья туда переехала.

Р.П.: Да-да, когда переехала.

Гейнц Позе. Берлин, 1961

Н.В.: Переехали в Дрезден, и семья обосновалась в Дрездене.

Р.П.: Да-да-да. И до конца родители там жили.

Н.В.: Там пришлось что-то покупать, или в ГДР квартиры давали?

Р.П.: Да, там в аренду давали, и там освободился дом, очень хороший, прекрасный дом, и родителям удалось его получить. В принципе, его можно было выкупить, у родителей интереса особого не было, и у нас, у детей тоже — никто из нас...

Н.В.: Не хотел.

Р.П.: Не хотел в Дрездене обосноваться, поэтому не стали выкупать.

Н.В.: Отец доволен был, когда вернулся? Наверное, ностальгия какая-то была?

Р.П.: Знаете, это очень сложный вопрос. Конечно, там тоже нелегко было. Там тоже были молодые люди, которые хотели занимать должности и так далее. У него были планы относительно того, что можно было бы делать в ГДР — не удалось ему это пробить...

Н.В.: Институт какой-то?

Р.П.: Да-да. Деньги не давали. Так что, думаю, были и плюсы, и минусы.

Распорядок работы в Дубне. Выдающиеся ученые

Н.В.: Ну да, и плюсы, и минусы. А здесь — очень интересно вы рассказывали, как здесь все создавалось, какие выдающиеся люди работали в Дубне.

Р.П.: Да-да-да. Организаторы, основатели — это были уже сложившиеся ученые с мировым именем.

Н.В.: Тогда, на ваш взгляд, советская физика сильная была?

Р.П.: Да.

Н.В.: Основатели института — это все-таки ученые, которые были миру известны.

Р.П.: Да, и это как раз дало мощный начальный толчок.

Н.В.: А кто у кого учился: основатели, советские физики, или иностранцы, которые приезжали? Или это взаимное обогащение было?

Р.П.: Нет, как правило...

Н.В.: Кто тон задавал?

Р.П.: Тон задавали советские физики, потому что сюда на работу приезжала молодежь, это ясно. Было несколько исключений. Ван Ганчан некоторое время здесь работал, китайский физик. Работал здесь Петржилка, чешский физик. Один румынский профессор, я сейчас фамилию не помню. Но они недолго, год, может быть, работали, кое-что дали, но основной тон, основные направления задали опытные советские ученые.

Н.В.: Ну да, Мещеряков или кто-то еще.

Р.П.: Ну, Векслер, Балдин, потом его заместитель Флеров, который играл очень важную роль в атомном проекте, Боголюбов, конечно, Блохинцев... Работали здесь, не директорами, но просто сотрудниками Марков, академик, Смородинский, теоретик известный...

Н.В.: А как ваша работа была организована? Вы приходили с утра и в институте находились весь день?

Р.П.: Да.

Н.В.: Тогда строго было?

Р.П.: На обед можно было ходить. Но вначале, в первые годы, табельная система была. И точно, если к девяти не появился на работе...

Н.В.: Минута в минуту надо было прийти?

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: Проходная была?

Р.П.: Да. Даже раньше — может быть, не во всех, но во многих зданиях внутри еще проходная была. Это была очень строгая система.

Н.В.: А как вам платили? Хорошая была зарплата?

Р.П.: Она, думаю, соответствовала советским стандартам. Я помню, когда начал работать, у меня сто тридцать рублей была зарплата.

Н.В.: После окончания института?

Р.П.: После окончания. Это я был принят еще как советский специалист, окончивший советский вуз.

Н.В.: А у вас должность была какая? Младший научный сотрудник?

Р.П.: Старший лаборант, по-моему.

Н.В.: Да вы что?! Старшим лаборантом начинали?!

Р.П.: Начинал я старшим лаборантом, да. И потом только, по-моему, я обратился к немецкому руководству, чтобы меня зачислили как немецкого специалиста. И тогда мне сто пятьдесят дали, повысили. По-видимому, у них надбавка была...

Н.В.: А так — иностранцы и русские жили одинаково? В одинаковых домах?

Р.П.: Да, но, как правило, жилищные условия лучше были у иностранцев.

Н.В.: Они привыкли жить...

Р.П.: Они привыкли, да.

Н.В.: Уже в восьмиместные комнаты не селили?

Р.П.: Нет-нет. Было тут общежитие, два дома на улице Жолио-Кюри, где холостые жили, а семейные, как правило, получали квартиры.

Н.В.: Здесь им давали квартиры.

Р.П.: Да-да. Иначе...

Н.В.: А как тогда — раз секретность, все-таки иностранцы — они результаты увозили и продолжали на родине свои исследования?

Р.П.: Были и такие случаи. Они публиковали здесь совместные работы. Нет, это было открыто.

Н.В.: То есть все результаты открыты. А потом, когда они приезжали домой, они там это направление продолжали?

Р.П.: По-разному. Я не знаю, как это другие страны делали: из ГДР сюда направлялись тоже из промышленности люди...

Н.В.: Да?

Р.П.: Инженеры, технически ориентированные физики, которые здесь нашли себя...

Н.В.: А что они, эксперименты делали?

Р.П.: Часть своих экспериментов... Знаете, это же громадные машины, как правило, и там нужны специалисты. Физик — он задумает идею эксперимента, а потом обрабатывает данные. А построить все это нужны люди с техническим профилем, причем разных профилей. Таких людей мы в промышленности искали. И они охотно на это шли, чтобы себя попробовать в международных условиях, обстановке. Как правило, эти люди, когда вернулись в ГДР, там поднимались довольно хорошо и быстро.

Н.В.: Им этот опыт помогал.

Р.П.: Да.

Продолжение научной карьеры

Н.В.: А как ваша научная карьера шла? Потом пузырьковой камерой, этой темой занимались?

Р.П.: Да, и я тогда имел, кстати, возможность выбрать себе место. Мне дали возможность ознакомиться с разными университетами, физическими институтами в ГДР, и я тогда выбрал Институт ядерной физики в Цойтене — это вблизи Берлина.

Н.В.: Это когда советская разведка или кто-то гонялась за немецкими физиками, а потом гэдээровская гонялась за вами, так? Я правильно понимаю? (*Смеется.*) Вас уже вывозили...

Р.П.: Ну да. Если так это можно реконструировать...

Н.В.: Можно так сравнить?

Р.П.: Сюда приезжала делегация: там были сотрудники Центрального комитета, может быть, секретных служб, я не знаю. Наверное, из Академии кто-то. По-видимому, у них была задача: понять, что такое Дубна, что тут немцы делают и так дальше. Они со всеми нами беседовали. И со мной тоже.

Н.В.: Индивидуальные были беседы?

Р.П.: Индивидуальные. И я им открыто отвечал...

Н.В.: А о чем они спрашивали?

Р.П.: Обо всем. О работе, об условиях, как я на что смотрю и так дальше. Абсолютно точно я уже не помню. Но потом пришло письмо, что они считают, что мне стоит прервать пребывание здесь, работу и поближе ознакомиться с ГДР. В работе. Мне предложили, по крайней мере некоторое время, поработать в ГДР. Вот так это получилось. И я выбрал Институт ядерной физики Академии наук. Там была группа, которая занималась физикой высоких энергий. И я начал с ними сотрудничать, поэтому кое-кого уже знал. И как раз там начали заниматься обработкой снимков с пузырьковых камер.

Сыновья Рудольфа Позе — Яша и Миша

Н.В.: Прямо непосредственно вашей тематикой?

Р.П.: Моей тематикой, да. Они меня пригласили, и скоро там была определенная реорганизация, и всю ядерную физику перенесли в Дрезден, осталась только наша группа. Мы сначала назывались Forschungsstelle, то есть исследовательская группа, а постепенно превратились в институт. И я был среди этой начальной группы. Скоро мы начали там распределять обязанности. Один, например, ушел в вычислительную технику. А мне, так как я тут уже имел некоторый опыт, поручили отвечать за всю техническую сторону дела. У нас были хорошие мастерские, несколько инженеров-конструкторов и электронщиков. И из всего этого собиралась группа, которой я руководил. Хотя я был и членом физической группы. То есть я одновременно занимался физикой, участвовал в обработке результатов, но и руководил созданием машин...

Н.В.: Оборудования...

Р.П.: Технического оборудования. И так это продолжалось... И я, конечно, прежде всего старался это делать совместно с теми людьми, которых здесь знал. Здесь есть база...

Н.В.: И с русскими, и с немцами?

Р.П.: Да-да. Мы много сделали вместе: нам удалось заказы для нас и для Дубны на заводах «Zeiss» реализовать, который тогда был высокого класса завод. Это было очень плодотворное сотрудничество и для нас, и для ОИЯИ. В конце концов в это время я успел защитить кандидатскую диссертацию по физике, по физическим работам. А к 69-му году стали во всех лабораториях вводить иностранных

заместителей директора лаборатории. Такая должность была. И тогда Мещеряков — он в это время уже руководил вновь созданной лабораторией вычислительной техники и автоматизации, ВТА, предложил мне быть его заместителем, по работам в пузырьковом направлении. Мое начальство и я согласились, ученый совет меня избрал. И я, уже со своей женой и сыновьями, сюда вновь переехал.

Впечатления от послевоенной Германии

Н.В.: А вы там женились, в Германии? А когда? После того как уехали?

Р.П.: Да, да, да. Я в 63-м году там женился на девушке, которая также с родителями после войны была в Советском Союзе. (*Смеется.*) Только в другом...

Н.В.: На другом объекте?

Р.П.: На другом объекте, во Фрязино, отец занимался радиолокационной техникой. Он как специалист был приглашен.

Н.В.: Так же в точности приглашен?

Р.П.: Да-да.

Н.В.: И тоже она учила тут русский язык...

Р.П.: Да-да.

Н.В.: У вас было много общего. А вот интересно, когда вернулись в Германию, вы узнали ее? Что вы почувствовали, когда уже в ГДР приехали? Что это было? Узнавание? Или уже было все чужое?

Р.П.: Нет, «узнавание», наверное, нельзя сказать, потому что я не туда поехал, где раньше жил.

Н.В.: Ну да.

Р.П.: Я поездом тогда ехал.

” И первое впечатление, когда мы пересекли границу, — сколько еще было разрушенных во время войны зданий.

Н.В.: То есть Германия была еще разрушена?

Р.П.: Это самое главное первое впечатление. И потом, когда ходил по Берлину, — сколько там еще...

Н.В.: И Берлин в руинах был...

Р.П.: Да, это осталось.

Н.В.: Вы же вроде в Берлин приехали?

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Но, когда вы вернулись, еще же не было никакой стены, еще можно было...

Р.П.: Можно было, да.

Н.В.: И в Восточном, и в самом Берлине...

Р.П.: Да-да-да, и меня друзья водили в Западный Берлин. И там, конечно, жизнь кипела уже, это ясно. Магазины были полны...

Н.В.: Это вас потрясло?

Р.П.: Конечно.

Н.В.: Изобилие, и красота такая, все это... Германия же очень красивая...

Р.П.: Да-да, Германия красивая.

Н.В.: Эти все старинные дома...

Р.П.: Особенно сейчас очень много сделано по восстановлению городов. В маленьких немецких городах старались сохранить облик Средневековья — это очень красиво!

Н.В.: А когда приехали в первый раз, то было вот еще все...

Р.П.: Да. Это самые первые воспоминания.

Н.В.: Но вы почувствовали, что это ваше, свое?

Р.П.: Да, конечно. Это непременно.

Н.В.: Вот это интересно, потому что вы же ребенком уехали и столько лет здесь прожили, но все-таки это была родина...

Р.П.: Да-да-да, такие чувства были.

Н.В.: Да, сложная судьба: вы как бы дитя двух стран, в каком-то смысле. Двух стран, двух языков и двух культур. Хотя, наверное, немецкая культура все-таки...

Р.П.: Она преобладает.

Н.В.: То, что в семье было...

Р.П.: Да-да. Интенсивная жизнь в эти годы — она сформировала.

Н.В.: А как вас приняли коллеги там, когда вы приехали строить, создавать институт в Германии? Они к вам настроенно относились? Как на вас смотрели? Или, наоборот, снизу вверх?

Р.П.: Нет, тот круг, в который я попал, — это все были коммунисты. И это в ГДР играло очень важную роль. И они очень положительно меня приняли. Я там себя очень быстро нашел в коллективе. Хотя, конечно, какая-то грань оставалась. До конца.

Н.В.: А что это было? Они вас опасались или...

Р.П.: Нет. Я не знаю. Они были другие.

Н.В.: Другие все-таки.

Р.П.: Даже другого воспитания, других кругов. Воспитанные в духе рабоче-крестьянского государства. Некоторые из них из очень бедных слоев...

Семья Позе отмечает Рождество. Дрезден, 1963 г.

Н.В.: То есть уже успели выучиться в условиях ГДР?

Р.П.: Да-да-да. И они тоже, конечно, знали, кто мой отец, и так далее. Это, конечно, как-то отражалось на отношениях. Я это неявно чувствовал. Хотя, думаю, что сам я никогда этим не пользовался.

Н.В.: Ну да. То есть это, скорее, связано не с Россией, а именно с социальными различиями?

Р.П.: Да.

Н.В.: Потому что социальные различия очень сильны и были в то время очень сильны тоже?

Р.П.: Очень сильны. Да-да. Я думаю, что с этим связано. И это, я думаю, было проблемой моего отца в Дрездене.

Н.В.: Когда он вернулся.

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: Потому что он еще больше укоренен в той культуре.

Р.П.: Конечно. Да. Значит, о чем вы спрашивали?

Н.В.: Чем вы там занимались...

Р.П.: Да, и вот я опять вернулся сюда, здесь три года поработал. Я мог бы и был бы не против еще продолжать здесь работать. Михаил Григорьевич Мещеряков со мной серьезно поговорил, но были аргументы этого не делать. Я вернулся в Германию, в тот же институт и продолжал заниматься этими

делами. Но благодаря тому, что я здесь был заместителем директора крупного института, имея дело с техникой, которая была недоступна в ГДР, меня вовлекли и в другие дела. Там ввели в Академии должность — не должность — ответственного за автоматизацию и компьютеризацию науки.

Н.В.: А, тогда модно очень было.

Р.П.: Было модно, да. И я уже должен был...

Н.В.: Не только за свой институт...

Р.П.: ...действовать вообще за Академию наук. Я организовал комиссию из представителей всех институтов, где мы такие вещи обсуждали. И дали заключение о необходимости приобретения импортного оборудования.

Н.В.: То есть это была стратегия развития...

Р.П.: Да-да.

Н.В.: ...науки в ГДР?

Р.П.: Точно, да. При министре по электротехнике и электронике — он примерно так назывался — была создана комиссия, состоявшая из представителей всех заинтересованных комбинатов ГДР. И я как представитель Академии наук туда вошел. То есть уже имел общение на уровне заместителей министров, это вообще-то не мой мир. *(Смеется.)* Были там случаи, когда я, по-видимому, не совсем адекватно себя вел, по незнанию. *(Смеется.)*

Рудольф Позе по пути в горы. Германия

Н.В.: Как ученый, который попал в другой мир?

Р.П.: Ну да, я обычно без всякой предвзятости подхожу к делам. И это иногда может не нравиться... *(Смеется.)*

Н.В.: А они уже были более осторожные...

Р.П.: Ну да, и там уже были свои...

Н.В.: Бюрократические...

Р.П.: Да, и законы поведения негласные: что делать...

Н.В.: Что можно говорить, а что нет.

Р.П.: Даже с заместителем министра — открыто говорить или... Ну и так дальше. Свои правила игры. И я не всегда адекватно на это реагировал... (*Смеется.*)

Н.В.: А здесь вы правила игры советские знали? Здесь же тоже свои правила игры были. Или здесь вы не общались с такими людьми?

Р.П.: Нет, я в таких кругах здесь не общался...

Н.В.: Ну да.

Р.П.: А в институте у нас, я думаю...

Н.В.: Демократично было.

Р.П.: Было демократично...

Н.В.: И открыто.

Р.П.: Да-да, то есть я таких вещей не встречал.

Н.В.: И можно было спокойно с тем же Мещеряковым разговаривать, и все обсуждать, и говорить то, что думаешь...

Р.П.: Конечно. Особенно с ним. Это всегда, особенно с ним мне было приятно.

Даже когда я уже был в ГДР, приезжал сюда в командировки, он всегда меня приглашал к себе, причем такой уже регламент был: сначала Валентина Семеновна подавала нам чай, мы пили чай. Потом отставляли чашки: «А теперь... Скажите, что там делается?» Он расспрашивал.

Н.В.: Интересовался, что там, в ГДР происходит?

Р.П.: Да. «Что пишут о нас в ваших газетах?» Он очень интересовался всем.

Н.В.: Политика присутствовала в вашей жизни тогда, в те годы? Или, все-таки вы были отвлечены от политики, далеки?

Р.П.: Да, она в нашей жизни особой роли не играла, политика. Я редко сталкивался с какими-то серьезными политическими проблемами.

Н.В.: Или с людьми, которые этим были увлечены?

Р.П.: Да-да. У меня не было к этому склонности, поэтому я и не старался войти в такие круги.

Н.В.: И никто вас не втягивал.

Р.П.: И никто не втягивал. Мы дома открыто обо всем говорили, что нас волновало.

И знаете, что интересно, я это только в ГДР понял: мы здесь втянулись в социалистическую систему и были уверены, что Маркс прав, и мы двигаемся к коммунизму. Для нас это не было предметом дискуссии. И отец мой так же думал. В ГДР, конечно, были люди, которые были против всего этого. Для меня было ясно, что мы туда двигаемся.

И, думаю, мои коллеги это видели и понимали. Не было проблем у нас.

Работа в отделении математики и кибернетики Академии наук ГДР

Н.В.: Значит, мы остановились на том, что вы работаете в ГДР, но сюда приезжаете...

Р.П.: Да. Был потом заместителем директора здесь, и потом опять вернулся в ГДР.

Н.В.: Значит, дважды ездили, поработали, потом вернулись, потом опять уехали, и там уже работали в Академии наук?

Р.П.: Да-да. Я, кстати...

Н.В.: Значит, ваша карьера в ГДР сложилась лучше, чем тут? Все-таки это высокий пост и большая ответственность.

Р.П.: Да-да-да. И это привело в конце концов к тому, что мне в какой-то момент... У нас тоже Академия наук была разделена, как у вас, на отделения. И каждое отделение имело свой институт. Имелось физическое отделение, химическое... И было отделение математики и кибернетики. И в 85-м году руководитель отделения математики и кибернетики предложил мне стать его заместителем.

Н.В.: Не физики, а уже математики и кибернетики?

Р.П.: Да-да. По компьютерной технике. Автоматизации.

Н.В.: То есть самое новое направление.

Р.П.: Да-да. У меня к тому времени возникли некоторые проблемы с руководителем физического отделения. Это был новый руководитель, с которым ни я, ни наш директор института не ладили. И я тогда подумал и решил, что, в общем-то, это хорошая возможность уйти.

Н.В.: В другую сферу.

Р.П.: Да. Я посоветовался с директором: у меня с ним очень открытые, хорошие отношения были. Он мне не рекомендовал этого делать: «Слушай, ты пожалеешь, — потому что сам он бывал в таких кругах. — Знаешь, тебе это не понравится». Я все-таки решился, я это сделал. Но сохранил за собой возможность вернуться в институт. «Конечно, всегда примем, когда вернешься...» И с 85-го года стал уже... Это была освобожденная от других вещей должность: заместитель академика, руководителя...

Н.В.: Отделения...

Р.П.: ...отделения такого-то. И примерно через полгода он ушел. Я не знаю, может быть, из-за каких-то политических соображений. Очень приятный, кстати, хороший ученый и приятный человек. Он ушел, и я вдруг, ни с того, ни с сего стал...

Отец и сын Позе. Дрезден

Н.В.: Руководителем отделения.

Р.П.: Руководителем, да. Пока исполняющим обязанности, и это примерно длилось год, пока президент академии не назначил математика, чистого математика. Я опять стал его заместителем. Но это был очень умный, очень приятный человек. У нас очень хорошие отношения сложились. Мы быстро разделили сферы деятельности: вот тут математика — это мое, а вот это техника — это твое. Для меня это было облегчением, потому что провести совещание комитета математики ГДР — для меня было не лучшим занятием: это не моя область, я не математик. *(Смеется.)* Это было хорошо. И так фактически четыре года мы работали. Но я к тому времени успел понять жизнь в этих кругах президиума, видел, какие там закономерности, и мне это все...

Н.В.: Тоже правила игры определенные.

Р.П.: И мне это все меньше и меньше нравилось. Я стал понимать советы моего бывшего директора. *(Смеется.)*

Н.В.: Все-таки это очень разное: наука чистая и административная...

Р.П.: Да-да. И это не мое. Там решает не сама наука, а многие другие вещи. Должен сказать: мне повезло, тогда в аппарате президиума было много людей, которые меня знали по Дубне, которые здесь бывали. Поэтому даже если я какие-то ошибки делал, меня страховали.

Н.В.: И могли помочь.

Р.П.: Да-да-да.

Были нападения на меня клеветнического характера, что я якобы разглашаю какие-то тайны — это всегда было.

Н.В.: Это такой метод борьбы.

Р.П.: Да-да-да, и это всегда было. Тут я им благодарен: они меня всегда как-то подстраховывали...

Н.В.: А как вы думаете, это потому, что сюда, в Дубну, приезжали настоящие ученые? Ведь не администраторы же?

Р.П.: Нет-нет. Ученые приезжали. И знали условия, в которых мы тут жили, работали. И понимали, что я это делал не из корыстных целей или из каких-то аполитичных... Так что в этом смысле я не пострадал, скажем так. И все-таки был уже внутренне готов опять вернуться к своей работе. И это уже обсуждал.

Период перестройки. Третий приезд в Дубну

Н.В.: А когда были в Академии, вы в Берлин переехали? И жили в Берлине?

Р.П.: Да-да, жили в Берлине. И я тогда хотел вернуться в институт и уже начал думать, в каком направлении мне заниматься дальше. И тут грянула перестройка...

Н.В.: А вы были в Германии, когда это все... Когда рушились стены, когда Горбачев приезжал...

Р.П.: Я был в Германии. Да.

Н.В.: То есть вы свидетель, вы это видели своими глазами.

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: А это для вас было потрясение? Вы не ожидали этого?

Р.П.: Конечно не ожидал. Мы верили, что что-то предстоит, потому что так продолжаться не может жизнь. Я с одним человеком и его семьей в ЦЕРНе познакомился. Я часто ездил в ЦЕРН. Один немец, и они меня очень тепло в семье приняли, много помогли в научных, институтских делах. И они были с супругой в ГДР, у нас в гостях. И он мне потом, позже, рассказал, что, когда мы там были, обсуждали немножко ситуацию, я ему сказал, что «так долго продолжаться не может».

Н.В.: А что вы имеете в виду: «так»?

Р.П.: Вся политическая система. Столько неразумных решений, проблемы, которые не решаются. То есть вся жизнь стала ложною, и...

Н.В.: Хорошее слово: «ложною».

Р.П.: Да-да-да. Что-то должно измениться. И мы, конечно, тоже в кругах обсуждали. И все были согласны, что вопрос не идет о том, что социализм убрать...

Н.В.: Но менять надо.

Р.П.: ...но наше правительство и общий строй — жить так нельзя дальше. И в это время здесь, в связи с перестройкой, институты решили ограничить время работы директоров. Раньше они практически пожизненно работали. И постепенно, при определенном возрасте они должны были уйти. И вот все: Мещеряков, Флеров, Франк — они все стали либо почетными директорами в своих лабораториях. И избирались новые директора. И в ВТА это было. Мещеряков стал почетным директором, и новым директором стал Говорун Николай Николаевич. Он известный ученый: он с самого основания лаборатории был заместителем Мещерякова. Когда я был заместителем, мы оба были заместителями,

то есть мы друг друга очень хорошо знали, были друзьями. Он примерно год работал и скончался от рака. И тогда обратились к нашему президенту Академии наук, чтобы он мне разрешил сюда...

Н.В.: ...сюда приехать, быть директором института.

Р.П.: Да-да. И меня, конечно, спрашивали...

Н.В.: Как полное название института?

Р.П.: Это называлось «Лаборатория вычислительной техники и автоматизации», ЛВТА. И для меня это был нелегкий вопрос. Уже стена упала, было ясно, куда это все движется. Что будет с ОИЯИ? Останется ли...

Н.В.: Как международная организация.

Р.П.: Да. И посоветоваться особенно не с кем. Кто мог предсказать, что будет? И мы с женой много-много времени обсуждали и в конце концов решили принять это предложение. Меня тут избрали, и я с сентября 90-го года стал здесь директором.

Н.В.: Это уже, значит, какой был ваш приезд в Дубну?

Р.П.: Третий.

Директор ЛВТА Р. Позе и его заместители И. Пузынин и В. Кореньков

Н.В.: Третье возвращение...

Р.П.: Третье возвращение. И с тех пор я здесь.

Н.В.: Уже здесь, в Дубне, да.

Р.П.: Да-да-да. У меня в Берлине есть дом, там живет мой младший сын, и я часто туда езжу. Он один живет, надо его поддержать.

Н.В.: Ну и сотрудничаете со своими коллегами, которые там, с Германии, с немецкими?..

Р.П.: Фактически сейчас уже не сотрудничаю. Я там все постепенно сокращал. Времени уже много прошло — там люди новые...

Н.В.: Пришли новые люди?

Р.П.: Мои старые коллеги все уже ушли. В шестьдесят пять лет там на пенсию уходят.

Н.В.: В шестьдесят пять лет?

Р.П.: Да-да, в шестьдесят пять. Так что...

Н.В.: И нельзя даже быть почетным директором? Такого там нет?

Р.П.: Такого там нет. Так что все мои рабочие контакты... Если нужно, иногда я езжу, чтобы с кем-то поговорить, но фактически у меня уже нет там «своих» людей, скажем так. Фактически нет, потому что они все уже...

Н.В.: А здесь — «свои» люди?

Р.П.: Да. Да-да.

Скамья директоров Лабораторий на заседании ученого совета ОИЯИ

Н.В.: А вы, когда в 90-м году вернулись, уже кто был директором тогда?

Р.П.: Института?

Н.В.: Да, ОИЯИ.

Р.П.: Это был Киш, венгр. Профессор Киш. Он недолго был, может быть, год-полтора. Потом были новые выборы, и стал Кадышевский директором. Он был два срока: десять лет.

Н.В.: Долго...

Р.П.: После него Сисакян, но он скончался. И теперь Матвеев.

Н.В.: Но все оияивские, все дубнинские. Все тут работали, и все тут выросли.

Р.П.: Да-да. И я десять лет проработал директором. И тогда уже нужно было...

Н.В.: За это время что вам удалось сделать? За эти десять лет?

Р.П.: Это были, вообще-то, тяжелые годы.

Н.В.: Да-да, как раз разруха началась...

Р.П.: Да, разруха началась, денег не было, с одной стороны. С другой — стояли две проблемы: во-первых, нужно было всему институту вписаться в новую обстановку. Раньше мы были в закрытой системе социалистического лагеря ведущим международным институтом. С ведущими ускорителями, скажем так.

” Мир открылся, железный занавес упал — и вдруг мы один из многих по значению сравнимых институтов в мире. И нам нужно было найти свое место, свою — не хочу сказать нишу — мне это слово не нравится. Свое место. Потому что делались подобные работы и там, и там, и в Америке, и в Европе, и в Китае — где хотите. И это был очень сложный процесс для всего института.

И, думаю, те доклады, которые мы сейчас слышали здесь, на новой конференции, показывают: все-таки этот процесс удался, и мы нашли, куда дальше двигаться. А для нас, в нашей лаборатории — это означало переоборудование всей технологической базы. Мы основывались там, где это возможно было, на советской технике, которая... БСП-6, назову для примера. А оснащенность западной техникой — она была скромная. Денег не было, и нам нужно было сравниться с институтами западными, у которых деньги были.

Н.В.: Ну да, с Америкой.

Р.П.: Да. И как раз эта перестройка на мою долю выпала, и, по крайней мере, удалось сохранить лабораторию.

Н.В.: Да-да, тогда было важно сохранить...

Р.П.: В институте были многие неоднократные попытки: «А зачем нам такая лаборатория? Мы занимаемся фундаментальной наукой, а это прикладная лаборатория. Давайте мы ее разделим». И каждый хотел себе лакомые куски отобрать. Удалось отстоять. И не только это, но и все-таки удалось найти свое место в сообществе физиков, физических институтов мира и встроиться. И доклад Коренькова Владимира Васильевича очень, по-моему, хорошо показал, как это удалось в конце концов сделать. В результате всех наших действий ясно было: то, что было заложено изначально, при создании лаборатории — вычислительная техника и автоматизация — она фактически исчезла. И осталась вычислительная техника, но уже в другом понятии: уже информационно-вычислительная техника с ударением

на «информацию», а не на «вычислительную». И это преобразование нам удалось сделать, и поэтому я предложил, уходя с этого поста, переименовать лабораторию в Лабораторию информационных технологий. Сейчас она так и считается.

Н.В.: Ну да. Я запомнила. Лаборатория информационных технологий. А у вас еще было другое название...

Р.П.: Так что я был третьим и последним директором «Лаборатории вычислительной техники и автоматизации», а мой наследник, Пузынин Игорь Викторович, стал первым директором ЛИТ. Потом он тоже быстро достиг пенсионного возраста. За ним пришел Иванов Виктор Владимирович, по-моему: отчества мне трудно запоминать. Он тоже физик был. Кстати, Пузынин Игорь был математиком. И сейчас наконец пришел Кореньков. Я хотел, чтобы он стал директором после меня. Но он очень долго тянул с защитой докторской диссертации, а по уставу института это нельзя было. Наконец он осилил этот барьер, и по праву, думаю, стал директором ЛИТ, и правильно ведет лабораторию — туда, куда надо.

Кандидатская и докторская

Н.В.: А вы здесь защищали, в Дубне, и кандидатскую, и докторскую?

Р.П.: Нет, в Берлине.

Н.В.: А, докторскую в Берлине?

Р.П.: И кандидатскую, и...

Н.В.: Кандидатскую в Берлине?!

Р.П.: Кандидатскую в Берлине, уже там.

Н.В.: А-а, здесь только диплом писали.

Р.П.: Да-да. Диплом.

Н.В.: Ага, и когда уехали первый раз, там защитили кандидатскую?

Р.П.: Да-да.

Н.В.: А там вы где защищали?

Р.П.: В университете имени Гумбольдта. И докторскую тоже. На работах, которые я там делал.

Н.В.: Но у вас кандидатская и докторская — они продолжение были одна другой, или вы сменили...

Р.П.: Нет, изменил. Кандидатская — это по физике, в коллаборации, в которой мы участвовали с ЦЕРНом, рядом западногерманских институтов. А докторскую уже по пузырькам, по технике пузырьковой камеры. По обработке, автоматизации снимков с пузырьковой камеры. И поэтому мне удалось... Я в 67-м году защитил кандидатскую, а уже в 70-м — докторскую.

Н.В.: У вас прямо...

Р.П.: Очень быстро. Это было уже наработано. Я защитил кандидатскую диссертацию и тут же начал писать докторскую. (*Смеется.*)

Н.В.: Да-да-да. Ее только написать нужно было: она уже сделана была.

Р.П.: Ну да, она фактически уже была. Это мне, кстати, один мой коллега сказал: «Слушай, зачем ты на этом останавливаешься? Давай дальше!»

Н.В.: То есть уже было ясно, когда защищали кандидатскую, что надо сразу докторскую.

Р.П.: Да, так получилось.

Н.В.: В Германии, в Академии там есть эти звания тоже: членкор Академии?..

Р.П.: Да, я все думал, что пора бы и мне стать членкором, но это не состоялось. Ну, причины могут быть разные. Но одна, конечно, то, что я между двумя...

Н.В.: Я и подумала: вы же как бы не совсем свой.

Р.П.: Да. И тут не свой, и там не свой. Ну, не суть... У нас это не такую роль играет, кстати. У нас же ведь такого звания нет. Есть звание «доктор», «профессор».

Н.В.: Профессор — главное?..

Р.П.: А академик — нет. В некрологах пишут: «член академии такой-то, такой-то». И кстати, эта Академия наук после объединения перестала существовать. Правда, она основывалась на старой прусской Академии наук, но была создана Бранденбургская Академия наук. А наши бывшие академики, членкоры организовались в общество Лейбница. Но оно не имеет государственного статуса, это чисто...

Н.В.: Типа научного сообщества.

Р.П.: Да, общество. Какая-то жизнь там ведется, они регулярно проводят собрания ученых, но уже без институтов.

Н.В.: Ну да, то, что хотят сделать или уже сделали здесь.

Р.П.: Да.

Оценка реформ в России

Н.В.: А как вам кажется: эти реформы здесь, в России, — они на пользу или...

Р.П.: Трудно сказать. Единственное, что можно сказать: всегда легче разрушать, как раз в научной сфере. Что-то разрушать, чем вновь создавать. Вот это точно. Я думаю, многое зависит от самих ученых, как они сумеют организовать и все-таки выставят свои идеи, свои стремления. Ясно одно: я это немножко скрытно попробовал в своем докладе показать: наука идет от ученого.

Н.В.: Да-да-да. Это не скрытно, это было ясно.

Р.П.: От ученого. Не от денег, не от чего-то другого, не от организации. От ученого. Где нет ученого — там нет науки, сколько денег вы ни вложите в это. Это ясно совершенно.

Н.В.: А почему, как вам кажется, в то время, когда вы начинали, ученых было больше, чем сейчас? Не по количеству, а именно ученых...

Р.П.: Таких, маститых, — да.

Н.В.: В том смысле, как вы говорите, настоящих. Может быть, даже не только маститых, а и молодых, но тех, кто жил наукой, для кого это было главное.

Р.П.: Да-да. Так кажется. Может быть, это на самом деле не так, но нам так кажется. С другой стороны, не хочется верить, что вдруг вымерли настоящие ученые: не может такого быть, да? (*Смеется.*) Но впечатление такое.

Н.В.: Просто не может быть, чтобы вымерли.

Р.П.: А может быть, ученых уже с молодых лет жизнь заставляет, научная жизнь заставляет думать и о других вещах, о которых мы раньше не думали. Я знаю, и мой отец мне неоднократно в молодости говорил: «Углубляйся в работу, работай честно, работай добросовестно, тогда и деньги будут. Не беспокойся о деньгах изначально». Или такие реплики его о ком-то: «Знаешь ли ты такого-то?..» — «Да». — «Вот он очень много внимания уделял заработку денег, поэтому...» Я как-то о ком-то спрашивал: «Почему ты профессор, а он не профессор?» Он тогда мне это ответил: «Он очень много думал о деньгах,

а не о работе». Конечно, это очень трудно оценить, и нам, которые выросли в других условиях, надо быть осторожными в суждениях. Многие умные, уже пожилые люди, говорят: «Молодежь всегда права». В этом тоже что-то есть. Они должны жить своей жизнью. И мы. Так что это очень, очень трудно: давать какие-то...

Н.В.: Оценки.

Р.П.: Оценки, да.

Немецкое сообщество в Дубне

Н.В.: Рудольф Гейнцевиц, еще про вашу немецкую компанию, которая была в Дубне. То, что вы нам рассказывали на конференции, какие замечательные немцы сюда приезжали, как вы тут жили... Про те фигуры яркие.

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Ведь с самого начала была довольно-таки большая немецкая группа тут?

Р.П.: Да. Приезжали...

Н.В.: Когда приехал ваш отец?

Р.П.: Да, но это, можно сказать, случайность, что он здесь оказался. Если бы институт организовали в другом месте, он бы здесь не оказался. *(Усмехается.)* Первым делом приехали теоретики. Им всегда легче. Это были Кашлюн, Цельнер, Бебель — кстати, это, по-моему, внучатый племянник социалиста Бебеля. Очень приятный человек, Питер Бебель. Дружили с ним. Вот, Кашлюн, Цельнер и Бебель, они из Берлинского университета. Потом Кашлюн на работах, которые здесь делал, в Берлине защитил докторскую диссертацию. Он здесь два-три года, не больше, проработал и получил кафедру теоретической физики в Университете имени Гумбольдта в Берлине. И там начал создавать группу теоретиков в тесном сотрудничестве ОИЯИ, со школой Боголюбова. Цельнер и Бебель, которые тоже здесь были, при его кафедре профессорами стали. Бебель, к сожалению, очень рано умер от рака: впервые я тогда узнал, что такое рак и как это бывает. Приехали сюда и другие — я сейчас все имена не помню — теоретики. <...>И создалась тоже, не в нашем институте, а в том, который стал потом Институтом физики высоких энергий, группа теоретиков, которой руководил Кашлюн. Фактически это была одна группа теоретиков, просто чисто физически одна группа сидела в университете, другая — у нас. У них ежедневно общие семинары были в нашем институте, мы могли туда ходить: это было для нас очень полезно. Они нам лекции читали.

Н.В.: И все связано с Дубной?

Р.П.: С Дубной, да. Они нам лекции читали, помогли создать хороший с теоретической точки зрения уровень в нашем институте. Постепенно сюда потянулись экспериментаторы. К этому времени ядерная физика была еще в некоторых других институтах, такие «реликты», скажем так. И приехали, в основном, сюда физики из Центрального института ядерной физики в Дрездене. Там был создан институт вокруг реактора и циклотрона, которые были из Советского Союза поставлены. И так постепенно люди приезжали-уезжали... Одни накоротке, другие подольше. Очень широкий обмен и очень много совместных работ. Потом уже, с годами, некоторые стали заместителями директоров лаборатории ядерных реакций, лаборатории нейтронной физики. Тут очень хороший обмен пошел. Об этом я уже немножко рассказал: это уже, по-моему, идея Министерства науки и техники, которое курировало работы по ОИЯИ, и замминистра всегда был полномочным представителем в ОИЯИ, — что решили использовать Дубну как платформу для подготовки кадров высшего эшелона, которые и в международной обстановке ориентировались, которые в коммунистической стране себя проявили...

Н.В.: И потом должны были вернуться...

Р.П.: ...и могли там работать. Были времена, когда в ОИЯИ работали до восьмидесяти немецких специалистов: физиков и инженеров.

Н.В.: Это же очень много: прямо целый институт!

Р.П.: Да-да. И здесь была введена должность, по-моему, это называлось «секретарь немецкого землячества». У них была своя профсоюзная организация, которая занималась бытом...

Н.В.: Бытом своей общины, землячества?

Р.П.: Общины, да. И контролировалось это министерством, очень внимательно. Тут были тоже всякие политические...

Н.В.: Министерством здесь, у нас...

Р.П.: Нет, нашим, немецким.

Н.В.: А, там оно контролировало...

Р.П.: Нашим министерством по науке и технике. Именно чтобы, скажем, с политической точки зрения...

Н.В.: Как интересно, правда!

Р.П.: И были тут проблемы, когда отзывали сотрудника, который себя не так проявил...

Н.В.: А что значит «проявил»? За что можно было отозвать?

Р.П.: Ну, где-то политическую линию ведут не так.

Н.В.: Недостаточно ГДР восхваляют?

Р.П.: Нет, просто, скажем, с диссидентским укладом каким-то. Это очень строго наблюдалось. Была, конечно, парторганизация здесь.

Н.В.: Немецкая?

Р.П.: Немецкая, да. Я к этому уже не имел отношения, потому что был до этого здесь и после этого. А во время этой кульминации... Мой брат как раз здесь был, и он был последним секретарем землячества...

Н.В.: Немецкого...

Р.П.: До объединения. Да-да.

Н.В.: А, как интересно! У вас прямо тут династия: отец, вы, брат...

Р.П.: Да-да. Даже потом его сын тоже здесь работал.

Н.В.: Его сын тоже физик?

Р.П.: Нет, он электронщик, но здесь вырос, здесь в школу ходил. Мой брат очень долго в Дубне работал. У него жена тоже физик, русская.

Н.В.: А, он женился на русской.

Р.П.: Да. Она у нас здесь работала. Виктор учился в Дрездене, потом возвратился сюда, здесь поработал, очень хорошо себя проявил: его очень хвалили, приняли работу. И потом он перешел даже в нашу лабораторию и в конце концов стал монахом.

Н.В.: Ах!

Р.П.: Православной церкви.

Н.В.: И здесь где-то в монастыре живет?

Р.П.: Да-да. Я сейчас не знаю точно, но где-то там, в Переславле-Залесском, в этих краях. Постригся уже: сначала был послушником...

Н.В.: Какая жизнь непредсказуемая! Могли ли ваши родители вообразить такое?! (*Смеется.*)

Р.П.: Нет, тем более мой отец: он был убежденный атеист.

Н.В.: И у вас никакой религии не было в доме? Как мама к этому относилась?

Р.П.: Моя мама, я бы так сказал: равнодушно. Она в этом смысле подчинялась отцу, конечно. Так что у нас... Но нам он не запрещал. В Обнинске одна из жен сотрудников была учительницей музыки. И она очень полезную роль, я считаю, для нас сыграла. Она вела музыку: я у нее на скрипке играл. Она многих учила играть на фортепиано, создала хор из наших ребят. Мы много пели. И она религию нам преподавала. И отец сказал: «Если хотите — ради бога, идите...»

Н.В.: Это было добровольно, все, кто хочет?

Р.П.: Абсолютно добровольно. Кто хочет. Она очень много нам дала. И я рад, поскольку мы знаем религию, о Библии и так дальше. Для нас эти вещи... мы какие-то картины видим...

Н.В.: Да-да, и не понимаем...

Р.П.: ...о чем там идет речь. Так что для нашего общего образования это было очень, очень хорошо, очень полезно.

Н.В.: То есть она преподавала вам религию как культурный предмет?

Р.П.: Да, хотя сама была верующей.

Н.В.: Но там же, наверное, не было церкви, в Обнинске?

Р.П.: Нет, не было.

Н.В.: То есть это она так просто.

Р.П.: Да. И... да, и старалась нам... Помню, в какой-то момент, ближе, может быть, к концу школы, моя старшая сестра — она все это не любила — подговорила меня, и мы заявили, что больше не хотим слушать про религию. И она это восприняла и каждому дала в заключение карточку с какими-то рисунками и подписью: «Alles Ding wird seine Zeit». Это цитата из Библии, я не знаю точно, как по-русски звучит. «Всякому делу свое время». Точка. И после этого мы с ней оставались в хороших отношениях. Мы ее встречали еще потом в Германии. Так что это было, да. И вот у нас появился в семье монах.

Падение Берлинской стены

Н.В.: Да-да, прямо удивительно. В общем, история вашей семьи совершенно удивительная: столько всего прошли и такие переходы... Вы были свидетелем, как русские танки вошли в ваш город, а потом как рушат Берлинскую стену. (*Смеется.*)

Р.П.: Да-да...

Н.В.: А что вы почувствовали, когда видели своими глазами, как эта стена рушилась?

Р.П.: Это был четверг, если я правильно помню. У нас был абонемент, и мы были на концерте. Концерт окончился, мы выходим и удивляемся: что-то много народу вечером... И вдруг нас останавливают какие-то люди: «Где стена, где стена Берлинская?» Я говорю: «Идите туда, там эта стена...» Они побежали. Мы не поняли. Сели в машину, поехали домой. Включаем телевизор — смотрим... (*Смеется.*)

Н.В.: Видите по телевизору, что стена рушится...

Р.П.: ...Боже мой, что такое?! Тогда уже были всякие волнения, но что так скоро стена может обрушиться! Этого, конечно, не ожидали...

Н.В.: Это было как чудо?

Р.П.: Это было да... И, конечно, волнение: что нас ждет? Что будет дальше? Никто ведь не знал.

Н.В.: А сейчас ваши родственники живут... Сейчас нет ГДР, но, в общем, в бывшем ГДР?

Р.П.: Жизнь продолжается, и, конечно, каждый находит свое место. У нас так: у нас ведь у отца пятеро. У отца были брат и сестра — у них тоже по пять человек детей. Они все на Западе.

Н.В.: Традиционные семьи были.

Р.П.: Да. Они все на Западе жили, и после объединения, уже...

Н.В.: И вы с ними не виделись?

Р.П.: Только один старший мой двоюродный брат один или два раза приезжал.

Н.В.: Сюда, в Россию?

Р.П.: Нет, в ГДР, в Дрезден. В Дрезден. И еще приезжал в Дрезден брат моей матери. Он тоже на Западе жил, он там юрист, приезжал несколько раз.

Н.В.: Но это уже в такие годы...

Р.П.: Да-да.

Н.В.: ...более свободные.

Р.П.: Да. Этому нашему старшему двоюродному брату — это было в 90-м или в 91-м году — шестьдесят пять лет исполнилось. И он решил всех нас, двоюродных сестер и братьев трех семей, собрать. И мы все к нему приехали, а мы, вообще-то, все знали друг друга с детства. Мы до войны летние каникулы проводили в Восточной Пруссии на Балтийском море. Там у дедушки и бабушки была дача. И мы там, в песке, маленькими детьми играли. И некоторые были у нас в конце войны — которые бежали из Кенигсберга. А после мы не виделись. И тут, впервые за эти сорок лет, мы встретились, уже будучи сами родителями, а кое-кто даже бабушкой или дедушкой. Это была, конечно, очень трогательная встреча.

Н.В.: А вы в Калининград ездили?

Р.П.: Нет, я все собираюсь. Этот брат — он ездил. Моя сестра ездила. Но он говорит, от тех мест, которые мы знали...

Н.В.: Уже ничего не осталось.

Р.П.: Он говорит: «Не стоит ехать». Я все равно хочу. Мы с Ниной собираемся поехать. Но встреча была, будто этих сорока лет не было. Как будто мы вчера расстались.

Н.В.: Да-да, семья собралась.

Р.П.: «Помнишь, ты то-то, то-то...» И с тех пор мы не очень регулярно, но встречаемся. В одном году, в 34-м, в каждой семье кто-то родился... Я у моих родителей. Еще брат у сестры моего отца, и сестра у брата моего отца. И мы трое в Гамбурге, где живет мой брат, отмечали наше шестидесятилетие. Тоже опять все собрались.

Н.В.: Потому что все вместе...

Р.П.: Да. Это, кстати, последняя встреча, на которой присутствовали и брат моего отца, и моя мама. А остальных уже не было. Это последние были, царство им небесное... Их нет. Так что это, конечно, из тех плюсов, которые объединение дало.

Н.В.: Ну да, что вы с семьей могли...

Р.П.: Да, да. А так — мой брат в Берлине живет. С Адой. И его дочь. У их дочери сын, сын монах, дочка — врач детский, тоже в Берлине. Старшая сестра под Берлином, в районе Потсдама живет. У нее сын, он тоже в Берлине. Следующая сестра в Дрездене. С ней одна дочка, а вторая недалеко от Дрездена. И младшая сестра тоже в Дрездене. Мы часто ездим в Берлин и Дрезден. Сейчас такие два центра. Это не так далеко: это на машине или поездом два часа езды. Так что мы довольно часто видимся: какие-нибудь дни рождения — всякие бывают праздники. Физики у нас брат и его жена Ада. Моя младшая сестра вышла замуж за бывшего ассистента моего отца, инженера, который с физиками работал, полуфизика уже. И окружение у них физиков. И их дочка физиком стала. Она в Гамбурге работает. И тоже, по-видимому, очень хороший специалист. У нее уже двое детей, а муж — физик-теоретик. То есть физика продолжается. По крайней мере, в третьем поколении. Вот такие пироги.

Об итогах научной работы. О немецкой и русской культурах

Н.В.: А что, как вам кажется, сейчас, когда вы смотрите с высоты своего возраста: что у вас, в вашей жизни самое значительное? Я имею в виду в науке, не в личной жизни. Вы же много работали в разных местах...

Р.П.: Да. Я думаю — то, что я учился в Советском Союзе. И Саратов, и Москва. И что я сразу вошел в коллектив физиков, уже состоявшихся физиков. Я думаю, это в очень сильной мере определило мое развитие. И может быть, я бы ушел в другую область физики, может быть, более техническую. То есть это определило мою дальнейшую жизнь. И потом, этот дух интернационализма, который я впервые почувствовал в Саратове, и потом здесь...

Н.В.: Да-да-да, это очень интересно!

Р.П.: И я бы не мог жить и работать в другом окружении. Я бы, если бы почему-то мне пришлось отсюда уйти, я бы что-то, наверное, нашел подобное. Это неотъемлемая часть моей жизни.

Н.В.: То есть вы себя чувствуете не немцем, не русским, скорее, как бы «человеком мира»?

Р.П.: «Человеком мира» — это очень громко звучит...

Н.В.: Ну, сейчас так модно...

Р.П.: Ну да. Знаете, я как-то сказал, что я человек, который вырос в двух мирах. А иногда думаю: я как раз человек, который между двумя мирами живет. Это же широкое пространство. Скажем, от Германии до... ну, куда Россия распространяется... *(Усмехается.)* И я думаю, эти две культуры — немецкая и русская — они дополняют друг друга.

Н.В.: А в чем они дополняют друг друга?

Р.П.: Во многом!

Н.В.: Вот как вы это чувствуете?

Р.П.: Знаете, это трудно точно определить. Над этим надо подумать...

Н.В.: Ага, вы это чувствуете просто...

Р.П.: Я это чувствую.

На многие вещи в России я могу смотреть как немец и удивляться, но потом я себе говорю: «Ты же здесь всегда был. Да, я все понимаю». Понимаете? Так же в Германии.

Н.В.: Когда вы приезжаете в Германию...

Р.П.: То же самое.

Н.В.: А на что вы здесь смотрите как немец? Что вас больше всего раздражает или кажется чужим?

Р.П.: Это я могу одним словом сказать. Все-таки я приучен к порядку. В любом масштабе и в любом смысле этого слова.

Н.В.: То есть это не миф, что немцы любят порядок, что порядок...

Р.П.: Нет. Конечно, я не люблю порядок ради порядка. Я понимаю, что это не то. Но все-таки всегда, где бы я ни находился, во мне есть это чувство: надо вести себя так, чтобы не мешать другим.

Н.В.: Это входит в понятие порядка...

Р.П.: Или не выделяться. Просто я понимаю, что это во мне сидит. Или когда вижу, как другие себя ведут. «Я бы так не мог себя вести». Я не осуждаю никого, просто замечаю это.

Н.В.: То есть вы имеете в виду «порядок» в широком смысле.

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Не то что все должно быть по правилам, по часам, а именно ничего такого, вызывающего...

Р.П.: Нет-нет. Например, я опять вчера или позавчера заметил, что мне всегда очень не нравится на семинарах, совещаниях. Сидит аудитория, человек читает доклад. Он готовился, может быть, предыдущую ночь не спал, думал, как это доложить. А люди дверью хлопают, заходят, выходят... И я замечал: люди постарше в наш зал входят сзади, а молодые идут спереди. Это, в моем понимании, не порядок.

И я уже понял, что должно быть глубоким источником порядка: отношение к соседу, к другому человеку. Чего бы ты не хотел, чтобы тебе делали, не делай сам.

Н.В.: Более деликатно...

Р.П.: Да. И такое чувство, что это утрачивается сильнее всего.

Н.В.: А в Германии это сохраняется?

Р.П.: Тоже не сохраняется. Например, меня всегда поражает, когда еду в южные страны. Даже в Советском Союзе — в южные регионы. Группы мужчин днем на улице. Этого в Германии раньше не было.

Н.В.: Те, кто не работает, и непонятно, что они там делают, да?

Р.П.: Да. Сейчас это в Германии тоже есть. Но это, как правило, не немцы. С другой стороны, я понимаю: это просто другой образ жизни. Это они не от плохого поведения: они так привыкли, у них так живут.

Н.В.: Расскажите, что еще вы видите как немец здесь, а что как русский, когда приезжаете в Германию.

Р.П.: Что там, конечно, порядок иногда преувеличен. Типичный пример, когда люди стоят на перекрестке,

пешеходам дается красный свет, а нигде не видно машин. И люди стоят. Это, конечно, излишне. (*Смеется.*) Но я сам тоже стою, кстати. Я иногда себя перебарываю, но обычно стою тоже. Хотя и понимаю, что это глупость.

Н.В.: А мне кажется, что это правильно.

Р.П.: После каждого несчастного случая приходишь к мнению, что это правильно. Потом забываешь...

Н.В.: Потому что вдруг ты пойдешь — а в этот момент откуда-то...

Р.П.: Да. Поэтому-то, когда говорят, что виноват «человеческий фактор» — это как раз очень часто именно это означает. Десять раз все обошлось, а в одиннадцатый раз где-то была машина, которой мы не видели. О том, что здесь замечал, — я уже начал говорить. Когда я был руководителем, я много об этом думал.

Русский человек не любит, если его заставляют что-то делать.

Н.В.: О, интересно!

Р.П.: Он сам может делать, и любит делать, и есть работы просто! Они углубляются. Но как только он чувствует давление сверху — возникает внутреннее противодействие. Типичный пример: дирекция института издала приказ. Скажем, план спускает: к такому-то сроку то-то сделать. Я собираю свой коллектив, и первая реакция — нет! Я-то думаю, как нам это сделать. А первая реакция: «Это невозможно!» К такому-то сроку — невозможно! Давайте придумаем причину, почему. (*Смеется.*)

Н.В.: Почему невозможно.

Р.П.: А моя реакция — давайте попробуем сделать. Вот это естественная реакция. С другой стороны, я тоже замечал: если что-то запретить, это лучший способ...

Н.В.: Заставить...

Р.П.: Заставить людей делать что-то. И поэтому я говорю: Россия выиграет любую войну...

Н.В.: (*Смеется.*) Это уже как анекдот!

Р.П.: Нельзя нападать на Россию. Да. Нельзя. Тут такие силы, которые одолеть невозможно. Вот это я понимаю, это естественная внутренняя реакция. Это характерная черта народа.

Н.В.: Да, люди говорят, что это ментальность...

Р.П.: Это где-то заложено и, может быть...

Н.В.: Привыкли защищаться, сопротивляться, от властей не ждут ничего хорошего.

Р.П.: Да-да. «Я сам, я сам».

Н.В.: Тут, слава богу, вы видите, что работают при этом...

Р.П.: Да-да, конечно...

Н.В.: То есть у вас нет ощущения, что сотрудники ленивые.

Р.П.: Нет, это совершенно разные вещи. Это просто какая-то эмоциональная черта удивительная. Но если это знать, можно как-то жить. Вот такие вещи.

Н.В.: Но это такие вещи, внешние.

Р.П.: Внешние, да. Внутренне, конечно...

«Мальчишник» под председательством М.Г. Мещерякова в доме Рудольфа Позе в Дубне

Н.В.: Организация работы, например, — она такая же в немецком институте и в ОИЯИ? Или здесь по-другому?

Р.П.: Знаете, я над этим тоже задумывался. Не зря Ленин или его окружение ввели плановую систему, которой немцы не знали. Есть записи моего отца — хотели, чтобы он составил план работы. Вот как можно в научной работе составлять план? Но я думаю, что ввели плановую систему, чтобы был какой-то план или какая-то устремленность. Это, по-видимому, тоже связано с первым вопросом. И давление извне — оно не воспринимается. Внутренне не воспринимается. И оно многое определяет, я думаю. Это не только внешнее.

Н.В.: Все говорят, что русские люди иррациональные, что у нас жизнь иррациональная. Вы это замечали или нет? Или в среде ученых этого нет?

Р.П.: Нет, этого я не замечал. Наоборот, я должен сказать, что...

Н.В.: Значит, вы думаете, это правильно, что ввели плановую систему? Что она как-то тоже нас организует?

Р.П.: Я думаю, что да.

Н.В.: А в Германии нет плановой системы?

Р.П.: Сейчас есть, сейчас нечто вроде этого есть, и это, по-видимому, правильно. Конечно, не планируется, что «я к этому числу изобретаю то-то» (*смеется*), тривиально нельзя смотреть на это. Но в каком направлении работать и какие силы на это тратить. Немножко подумать обо всем сразу —

это же плановая система.

Н.В.: И в ОИЯИ есть эта плановая система?

Р.П.: Ну конечно. Там меняется: то семилетний план, то пятилетний план, то какой-то еще... Разные названия, но все одно и то же. Думать о том, как будет это развиваться, какие нужны средства и так далее — это разумно.

Н.В.: У дирекции есть, конечно, такой план.

Р.П.: Конечно. Тем более если такие большие коллективы работают, такие затраты огромные — это нужно.

Воспоминания о крупнейших открытиях. Отношения внутри ОИЯИ

Н.В.: У меня такой вопрос, просто уже из истории. Вы были свидетелем каких-то таких научных прорывов, открытий, так? Я правильно понимаю? В ОИЯИ.

Р.П.: Да, но, знаете, это...

Н.В.: Или это не то, что вот какой-то год — и что-то сделали, какое-то открытие...

Р.П.: Да, так это нельзя представлять. Я часто только обернувшись назад замечаю, что тогда мы к этому пришли, и это послужило основой чего-то еще...

Н.В.: ...большого. А что «это»? К чему вы пришли? Можно в каких-то простых словах?

Р.П.: Вот, например, открытие нейтрона — это в свое время было основополагающее открытие. Или когда предсказали антипротон — целая теория на этом строилась, и наконец американцы обнаружили антипротон. Это можно конкретно...

Н.В.: Но это не в ОИЯИ?

Р.П.: Нет, в ОИЯИ таких крупных открытий... Новые элементы, которые сейчас в лаборатории ядерных реакций. Уже открыт ряд элементов, которые в природе не встречаются, но которые по всем физическим законам в принципе возможны. Почему-то природе они не нужны, а в лабораториях их нашли. Это действительно важные точки. И будут ли они когда-нибудь иметь практическое значение — это пока не известно.

Н.В.: А это по ходу работы так получилось, или целенаправленно...

Р.П.: Это целенаправленно, да. Когда начался атомный век — открыли новые элементы: уран, плутоний и так далее. Потом начали думать: а может быть, еще более тяжелые есть. И целая теория появилась, построили лаборатории не только в Дубне, но и в Америке, в Германии. И наконец один за другим, уже целый...

Н.В.: Дубна тут не первой была?

Р.П.: Нет, и не единственной. Но Дубна сумела тоже... Это большое, заметное явление. Или во время работ с пузырьковыми камерами открывались так называемые «резонансы», образования частиц, которые живут короткое время внутри ядра, потом распадаются. Там тоже было очень много найдено, и тоже один так называемый анти-сигма-минус-мюзон был найден в пучках ускорителя нашего. Это явные события. Наверное, можно еще целый ряд перечислить, но я так, с ходу, не скажу. Но ведь раньше, в советское время регистрировались так называемые «открытия». Не изобретения, за которые даются патенты, в науке тоже что-то находится новое, и патенты на это не даются, потому что никакого применения нет, но регистрировались открытия. В Дубне есть целый ряд таких открытий, которые можно назвать. Действительно что-то новое, что было найдено здесь.

Н.В.: Это за те годы, что вы тут работали?

Р.П.: Да. В те годы.

Н.В.: А как была организована в институте работа, отношения учитель—ученик? Насколько это было сильно? Школы какие-то были? Как этих учеников воспитывали?

Р.П.: Изначально это было так, что в институт принимались дипломники, как я, к примеру. И потом бывших дипломников, а может быть, дипломников других вузов принимали на работу. Они включились в коллектив и постепенно в коллективе выросли.

Н.В.: И с ними много занимались?

Р.П.: По мере необходимости. Не специально. Это уже было дело каждого в отдельности. Работать, делать свою работу, может быть, высказывать новые идеи, что-то делать иначе, чем раньше.

” По-моему, это рассказывают то ли о Резерфорде, то ли о Боре: если у него молодой человек работал, что-то делал, даже хорошие дела, а потом приходил и говорил: «Учитель, что мне дальше делать?» — он отвечал: «До свидания».

Н.В.: *(Смеется.)* Да-да-да, это бывает даже у нас в институте.

Р.П.: Ну, я думаю, может быть, это не точно так было, но по духу — правильно...

Н.В.: То есть самостоятельность...

Р.П.: Да, в науке нужна самостоятельность. Конечно, в большой науке, где задействовано много разных специалистов, могут приниматься просто хорошие работники, хорошего уровня.

Н.В.: Исполнительные.

Р.П.: Но это исполнители. А ученый должен...

Н.В.: Проявлять самостоятельность.

Р.П.: ...проявлять себя, да.

Н.В.: А научные школы сформировались? Можно кого-то назвать, у кого своя школа?

Р.П.: Ну, это теоретики. Есть школа у Блохинцева, есть школа Боголюбова.

Н.В.: И они разные? Они не пересекаются?

Р.П.: Это я не берусь точно сказать, может, и пересекаются, потому что они в одной лаборатории работают. Они, может быть, даже совместно работают, но одни считают себя учениками Боголюбова, другие могут считать...

Н.В.: А что они перенимают у учителя? Кроме каких-то направлений исследований. Меня интересует подход к жизни, какие-то ценности, может быть, научная культура. Это передается?

Р.П.: Когда человек близко работает с другим человеком, старшим или не старшим, он, естественно, как-то принимает, если ему они по душе, черты другого. Тем более от учителя. Я могу из своей жизни один конкретный пример привести. У меня, я уже говорил, руководителем дипломной работы был Флягин Владимир Борисович. И это было на ранней стадии моей дипломной работы. Я уже не помню, но какой-то вопрос возник. Что-то нужно было делать или переделать. Я уже хотел взяться за работу, и он мне сказал, Владимир Борисович: «Давай сядем и подумаем». А у нас в нашей комнате стоял диван, мы сели на диван и начали обсуждать, думать и потом приняли решение делать. А я вообще, может быть, и до сих пор, но в молодости был очень импульсивный человек. Я всегда готов был тут же взяться за работу, не подумав. Вот это я у него перенял. И часто себя ловлю, когда говорю: «Давайте сядем и подумаем». Вот такие вещи. Это был учитель.

Н.В.: Это же очень важно...

Р.П.: Конечно, это подход к задаче. Я думаю, у теоретиков, наверное, тоже это важно. Потому что там вся работа состоит в умозаклечениях. Я уже не могу сказать, от кого это услышал: если зашел в тупик, не можешь двигаться дальше, надо отойти и попробовать с другой стороны подойти к вопросу. Я своим сотрудникам всегда это твердил. Попробуйте: я не знаю, помогает это или нет.

Н.В.: А отношения потом сохраняются? Если вы работали с Флягиным — это уже и дружеские отношения?

Р.П.: Да-да, особенно для меня он остается моим старшим другом, если не учителем. Я не могу от этого отойти.

Н.В.: Я заметила, что в выступлениях докладчиков очень много уважения к тем, кто тут работал. Каждый с удовольствием смотрит на эти портреты, то есть дух такой здесь...

Р.П.: Да-да, конечно, он есть, непременно.

Н.В.: И он сохраняется до сих пор?

Р.П.: Я думаю, что да.

Н.В.: А более молодые — их отношение не к тем, старым корифеям, а к своему руководству нынешнему?

Р.П.: Да-да, это тоже. У нас очень многие ежегодно защищаются. Когда речь идет потом о благодарностях, это очень чувствуется, такие отношения — они понимают, что те им дали. Я думаю, это очень глубоко сидит.

Н.В.: Ну да. А что лично для вас важно в вашем сотруднике, чтобы каким он был? Что вы цените больше всего?

Р.П.: Знаете, сотрудники разные бывают, это трудно обобщить, мне кажется. Важно конечно, чтобы они думали. Сами думали. Кстати, интересно: мой сын информатик, у него уже сейчас довольно большая группа, и у них есть индусы. И он говорит...

Н.В.: Тоже живут в Берлине?

Р.П.: Нет, он в Швейцарии работает. И он говорит: с ними хорошо работать, они блестяще знают, очень хорошо делают — но только то, что им скажешь. В некоторых случаях это хорошо, но, в принципе, в науке, это не то. Ты сам должен тогда подавать им идеи.

Н.В.: За всех думать.

Р.П.: А в науке нужно, чтобы каждый думал. С другой стороны, чтобы не было хаотичности, а была согласованность, таким образом приближаешься к плану. А то, конечно, если слишком много думать...

Н.В.: Каждый думает в другую сторону.

Р.П.: Да-да-да. Все расплывается — это тоже опасная сторона.

О жизни в Германии в разное время

Н.В.: Ну да. А расскажите еще немножко о вашей жизни в Германии в эти периоды... Как вам жилось, как вы отвыкали от Дубны.

Р.П.: Ну, тут разные этапы жизни.

Н.В.: Разные, да-да-да.

Р.П.: О детстве у меня, должен сказать, самые лучшие воспоминания.

Н.В.: Потому что это семья, это светлый период.

Р.П.: Да-да. Прекрасные родители были, они нас держали, наверное, достаточно строго, но не так, чтобы я сегодня чувствовал какое-то особое давление. У нас было достаточно свободы. Мы точно знали границы. Например, в Германии я совершенно не привык к ругательствам! Я их просто не знал! А когда мы в 43-м году в деревню переселились, там у крестьянской молодежи встречались такие слова. Там было. Но я знал, что это не мое, это не мои слова, я это четко знал. И это у меня до сих пор сохранилось, хотя, должен сказать, что и в Германии сейчас эти границы очень расширились. И даже в художественной литературе вы встречаете выражения, которые...

Н.В.: Ну да, и уж тем более в кино...

Р.П.: И в кино показывают. Это так глубоко во мне сидит — я даже такое слышать не могу. Мне неприятно, если на улице слышно, мимо проходят какие-то люди и... вы сами знаете. Для меня это было большим шоком здесь, я вам скажу: когда я в Саратове в студенческую среду попал, я же был с филологами старших курсов, для меня это были будущие литераторы! Как они объяснялись, как у них...

Н.В.: Даже филологи, студенты?!

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Ругались там, в общезитии? Речь грубая была...

Р.П.: Да, грубая. Это для меня, конечно, потрясающее было открытие.

Н.В.: То есть в то время студенческая молодежь в Германии, возможно, такой не была.

Р.П.: Я этого не знаю. И я даже знаю, честно говоря, что мои братья и сестры не так строго на это смотрят.

Н.В.: Те, что помоложе.

Р.П.: Да-да. Жизнь идет... Я говорю: «Без меня, пожалуйста».

Рудольф Позе с сыновьями Яшей и Мишей. Германия

Н.В.: А какой из этих периодов ваших возвращений в Германию был самый трудный? То, что вы в академии были? Что было самым трудным там для вас?

Р.П.: Когда я вернулся в 61-м году в Берлин, родители были в Дрездене, я в Берлине был один. Моя сестра старшая, с которой мы были очень близки, потому что мы в школу здесь ходили вместе, учились в Саратове, в Потсдаме была, в институте. Мне квартиру дали... Я был один. Но потом, через некоторое время, все уладилось, я нашел даже старых друзей. Но это были тяжелые годы. И жизнь другая там была. Все мелочи жизни. Хотя многое было легче, чем здесь. Но все равно...

Н.В.: Легче в бытовом плане?

Р.П.: Другая... если даже легче, то все-таки другая. *(Усмехается.)*

Н.В.: А что было сразу другое?

Р.П.: Другое снабжение. Что-то нужно — пошел в магазин и купил.

Н.В.: По-моему, к хорошему быстро привыкаешь.

Р.П.: Да, но все равно другое.

Удобства жизни там были легче, должен прямо сказать. Но я помню это одиночество, потому что я из другого мира. Как в смысле России, в смысле «социализм — не социализм», так и в семейном смысле.

Эти три области меня отличали от окружающих людей, при всем доброжелательстве ко мне. Не могу сказать, никто ко мне плохо не относился, просто я чувствовал, что я другой.

Н.В.: И особенно в этот первый приезд?

Р.П.: Да-да-да. Потом я уже привык, конечно... И у меня черты появились такие — было уже легче. Очень хорошо пошла жизнь, когда я женился, когда встретил свою будущую жену и эту семью. Прекрасная семья. Мои теща и тесть — они меня любили, я их любил. Это осталось до конца их жизни. Мы хорошо жили, и, если нужно было, ее родители помогали, мои родители помогали. Так что мы не нуждались.

Н.В.: Это было время еще семейных ценностей?

Р.П.: Семейных ценностей, да. Дети появились: два сына у меня. Мы их вырастили, воспитали, как смогли, как хотели. Это были хорошие годы жизни.

Н.В.: Ну да, в Германии.

Р.П.: Конечно. Может быть, мне повезло, что у меня не было проблем, которые я видел у других коллег. У одного с квартирой не ладилось, у другого с женой, они постоянно ссорились, у третьего еще что-то было... В этом смысле я должен сказать, что мало было внешних мешающих факторов. У нас с младшим сыном были серьезные проблемы, но мы вдвоем хорошо, согласованно их преодолевали, и сегодня, глядя назад, понимаю — лучше в той ситуации не могло быть. Так что, оглядываясь, могу сказать, что у меня хорошая жизнь была.

Н.В.: Не о чем жалеть.

Р.П.: Нет-нет. Конечно.

Нынешняя жизнь и работа в России

Н.В.: А здесь у вас появился круг русских друзей, не только иностранцы?

Р.П.: Конечно. Кое-кто уже ушел, но такие находились... Сейчас у Нины тоже свой круг. Конференции, кстати, помогли расширить наш круг интересов.

Н.В.: Ну да, они дают новых людей.

Р.П.: Сейчас через нашего внука мы в эти музыкальные круги вошли, от которых раньше были в стороне, мы более глубоко проникли в музыкальную жизнь города. Так что очень хорошо здесь.

Н.В.: А вы сейчас здесь официально консультант?

Р.П.: Я — да, «советник» это называется. Консультант, советник дирекции лаборатории. Это сейчас статус бывшего директора. Почетных директоров сейчас фактически не бывает. Это тогда, конечно, в знак уважения к основателям... Сейчас-то что это значит: «почетный директор»?

Н.В.: Вы советник директора лаборатории...

Р.П.: Да-да-да. Есть «Положение о советнике директора», и я сам мог внести туда свои положения, замечания. Оно дает мне право работать, заниматься теми проблемами, которыми хочу, быть привлеченным в какие-то моменты и так далее. То есть фактически дает полную свободу действий.

Н.В.: У вас больше здесь было работы в физике или из-за того, что вы иностранец, у вас было много

работы по международным связям? Это же логично, естественно, что вам легче представлять институт в международных кругах.

Р.П.: Я не думаю, что сильно отличалось от российских коллег. Это от положения зависит. И я думаю, мои коллеги — они, может быть, не меньшие, а некоторые и большие имеют связи. Особенно те, которые участвовали в экспериментах за пределами института. Я конкретно не участвовал.

Н.В.: А вы в ЦЕРНе, например, не работали?

Р.П.: Я часто и много раз был в ЦЕРНе, но никогда там долго не работал.

Н.В.: А какая сейчас тенденция: международные связи, международное сотрудничество — это же настолько важно! Есть сейчас это понимание? К этому стремятся? Или наша наука больше отрывается теперь?

Р.П.: Нет-нет, наоборот. В нашей области наоборот. Это связано с тем, что эксперименты стали дорогими. Где-то делается эксперимент, и каждый, кому интересно, присоединяется. Поэтому вы там найдете людей разных национальностей, разных лабораторий.

” И сейчас с помощью сетевой технологии вы даже можете не быть там, а, сидя за своим компьютером, теснейшим образом быть связанным и участвовать в том, что делается.

Н.В.: Это потрясающе, что именно в вашей науке международные связи действуют.

Р.П.: Можно сказать, там некоторая глобализация идет. Эксперименты становятся международными.

Н.В.: Это же очень дорогой коллайдер...

Р.П.: Конечно. И недаром там участвуют фактически все западные страны, вносят туда деньги.

Н.В.: И наша страна тоже?

Р.П.: Да, но большинство не деньгами, а частью работы...

Н.В.: Участниками?

Р.П.: ...и созданными здесь детектором и так далее.

Н.В.: Разработками.

Р.П.: Разработками, да. В ЦЕРНе есть просто свой бюджет, в который вносят деньги все страны, так же, как в нашем институте. Кроме того, есть участие отдельных институтов своими сотрудниками, техникой, своей головой.

Н.В.: А концепция? Когда создавался ОИЯИ, если я правильно поняла, концепция была такая, что нужно вырастить плеяду физиков для всех демократических стран, которые потом поедут туда, будут там развивать науку, и мы будем с ними сотрудничать. Правильно?

Р.П.: Да, это одна из задач, не единственная, но одна из задач. И этим, на мой взгляд, ОИЯИ отличается от ЦЕРНа: у ЦЕРНа эта задача не была поставлена как одна из основных. Конечно, такая задача здесь и стояла: создать здесь центр достаточного уровня, но и способствовать развитию ядерной физики в других странах. И прежде всего тем, что сюда отбираются лучшие люди, которые здесь учатся и потом возвращаются. Я сам, например, ездил с Дмитрием Ивановичем Блохинцевым, когда он был директором, по университетам Германии, где он доклады делал о работе, об институте, и агитировал: «Дайте нам ваших лучших студентов в Дубну». И то же самое я потом с Понтекорво и Тавхелидзе, академиками, делал. Рассказывал об институте, агитировал...

Н.В.: То есть тогда было время, когда мы эти мозги могли привлекать? Не Америка, а мы могли привлечь.

Р.П.: Да-да.

Н.В.: Причем не корыстно, а привлечь — и потом отпустить.

Р.П.: Да-да, это было бескорыстно. Тогда ситуация и в других социалистических странах была такая, что людей не выпускали. А если и выпускали, была велика вероятность, что они там и остаются. *(Усмехается.)* Поэтому ОИЯИ был центром притяжения...

Н.В.: Для всего нашего, можно сказать, «социалистического лагеря».

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: А кроме этой задачи? Вот вы говорите, это была одна из задач. А вторая — просто наука?

Р.П.: Наука на высоком уровне, наука в таких-то направлениях.

Н.В.: Наука — это понятно. Я имела в виду в области международного сотрудничества. А ЦЕРН — просто потому, что дорогие эксперименты...

Р.П.: Да-да, идея была: они становятся настолько дорогими, что надо как-то...

Н.В.: Объединить...

Р.П.: ...объединить средства, чтобы построить что-то крупное.

О будущем науки

Н.В.: А как вы думаете, как будет наука развиваться? Сейчас же почему Академию наук разгоняют — говорят, что, в принципе, мы настолько отстали, не входим в мировую науку...

Р.П.: Это все, я думаю, не так. Есть многие известные и ученые, и институты, которые работают на мировом уровне. Я, честно говоря, не знаю, почему это нужно было сделать и к чему это приведет.

Н.В.: Ну да, этого никто не знает. Просто мне интересно ваше мнение об уровне ОИЯИ, о котором вы можете судить профессионально. Сейчас приезжают сюда из бывших республик?

Р.П.: Да.

Н.В.: Я одного белоруса знаю.

Р.П.: У нас много армян, грузины есть, из Белоруссии, Украины. Так что...

Н.В.: Учатся, работают?

Р.П.: Работают. Возвращаются... Некоторые останавливаются здесь с семьей.

Н.В.: Но здесь, наверное, проблемы с квартирами?

Р.П.: Ну да, это один из вопросов, который дирекцию постоянно волнует.

” Раньше было много квартир в институте, которые просто в аренду сдавались приезжающим. А потом прошла волна приватизации, и вдруг все они оказались в частных руках, а институт остался без квартир.

Эта проблема стояла и стоит. Поэтому институт строит...

Н.В.: Продолжает строить квартиры.

Р.П.: Продолжает строить, да.

Н.В.: А какая стратегия: привлекать только наших выпускников или, может быть...

Р.П.: И тех, и других.

Н.В.: И иностранцев...

Р.П.: Тоже, да. Но проблема в том, что, если раньше ОИЯИ — это была единственная возможность работать на хорошем уровне, то сейчас, в принципе, они могут в любую другую страну, в любой институт поехать, если найдут средства. Нужно грант иметь, и это много дает. Даже из нашего института многие уезжают.

Н.В.: По контрактам работать?

Р.П.: По контрактам. Некоторые остаются, некоторые возвращаются... Очень широкий спектр возможностей сейчас имеется, которых раньше просто не было.

Н.В.: И это очень хорошо, наверное?

Р.П.: В принципе да. И это проблема. Сейчас уже реже об этом говорят, но одно время отток умов из России... Он, конечно, ученый — он от мира сего и должен кормить семью. *(Усмехается.)* И если ему предлагают хорошие условия работы, в хорошем окружении, к тому же еще обеспечивают жизнь семьи, почему бы ему не уехать? В этом нельзя видеть что-то неправильное.

Н.В.: А как вы думаете: едут, потому что там лучше условия или потому что там работа интереснее?

Р.П.: Одно от другого не отделить. Если посмотреть на ведущие институты западных стран — они, конечно, богаче средствами. То есть вы можете быстрее что-то реализовать. В этом смысле, если еще хорошее там окружение, высокоинтеллектуальное, почему бы не поехать? Но очень многих я знаю, которые рады бы вернуться сюда и пробуют... Но когда они смотрят, какой им предлагают оклад...

Н.В.: То есть не могут вернуться просто из-за денег?

Р.П.: Из-за денег, да. Они уже привыкли там к определенному уровню жизни, и если это здесь нельзя создать...

Н.В.: Надо очень существенно тогда поднимать уровень жизни, чтобы сравниться с западным...

Р.П.: Да-да. К сожалению, это так.

Н.В.: У вас уникальный опыт не только потому, что вы к двум странам принадлежите, а потому, что работаете в центре международного сотрудничества. Это образец. Как вы думаете, его можно распространить на другие, может быть, отрасли? На математику...

Р.П.: На математику, наверное, можно было бы, но тогда кто-то должен почувствовать в этом потребность.

Н.В.: Или не поедет к нам теперь никто?

Р.П.: Это, опять-таки, от условий зависит, от условий жизни.

Н.В.: Не от работы, а от условий жизни?

Р.П.: От условий жизни. Они в этом смысле играют важную роль. Это, к сожалению, так.

Н.В.: Ну да, если ехали из какой-то западной страны — наверное, им создавали условия жизни, сопоставимые с тем, что были в их странах? Так я понимаю?

Р.П.: Да.

Н.В.: Ну да, тем более что они ехали на год.

Р.П.: Да-да. Я знаю одну семью — это молодые специалисты, он и она, они поженились, а в Берлине трудно было найти квартиру. Им здесь предложили работу, квартиру, они с удовольствием приехали сюда, поработали, стали квалифицированными специалистами. Через несколько лет вернулись в Германию, там их как специалистов из ОИЯИ охотно приняли в Дрезденский университет, тут же дали квартиру и так далее... То есть это все от конкретных условий зависит. Поэтому тут какой-то рецепт...

Н.В.: Это неэтичный вопрос, но все-таки. Вы уже долго здесь работаете, начинали еще студентом. Наука угасает или нет? Я имею в виду здесь, на базе ОИЯИ.

Р.П.: Нет-нет. Во всех лабораториях ведутся работы на высшем, современном уровне. Есть широкий спектр в каждой лаборатории, но основная цель и ключевые задачи, которые там решаются, — они, безусловно, находятся на современном уровне науки. И люди соответствующие есть.

Н.В.: А у вас какой-то есть прогноз личный, какие области науки будут развиваться?

Р.П.: Судя по настоящей ситуации, все наши семь лабораторий сейчас работают по главным направлениям, я бы так сказал. Не всегда было так, и было время, когда искали: а за что нам взяться?

Н.В.: Это какое время?

Р.П.: После 90-го, после развала системы. За что нам взяться, чтобы устоять? Теперь это действительно международная конкуренция. И я думаю, за эти годы все наши работы нашли свою дорогу. И те направления, которые сейчас начаты и по которым есть планы на будущее, они поддерживаются на должном уровне.

Н.В.: А вы можете их назвать?

Р.П.: Я их сейчас вам все не перечислю. Я не знаю, вы были на докладах первых дней?

Н.В.: Матвеева, да?

Р.П.: Нет, Матвеева не было. Это был Литницкий, зам. директора. Он дал картину того, что делается в институте.

Н.В.: Нет-нет, я не была.

Р.П.: Жаль, потому что мне это понравилось в этот раз, что они сконцентрировались. Например, в лаборатории ядерных проблем, в которой я в свое время работал, главной задачей считают исследование в области физики нейтрино. Это чрезвычайно современная и важная проблема. Весь широкий спектр, все основные силы и средства сконцентрированы на направлении исследования нейтрино, что бы там ни было. И там есть целый ряд международных проектов, крупных экспериментов. В физике высоких энергий, наряду с участием в крупных международных экспериментах, например в ЦЕРНе, на большом коллайдере, строят сейчас новые... или совершенствуют и дополняют имеющиеся установки тоже в направлении новой физики, физики, как бы сказать, смешивания кварков, которые тоже считаются одним из главных направлений физики высоких энергий. Туда вкладываются большие деньги: целый комплекс, новый комплекс ускорительный строится. И так дальше, можно и по ядерной реакции — это нацелено на открытие новых элементов. Это пока действительно чисто познавательная...

Н.В.: Что называется фундаментальная...

Р.П.: ...чисто фундаментальная наука. Просто понять, можно ли создать такие ядра, почему они образуются, как долго они живут. Имеют ли они в будущем какое-то значение для жизни человека — это пока никто не пытается делать. И так далее.

Н.В.: Ну, наверное, всегда полагают, что будет, раз это фундаментальная наука. Или не обязательно?

Р.П.: Не обязательно. Из науки никогда нельзя исключать познавательный фактор.

Все-таки основное, чем руководствуется ученый, который занимается фундаментальными науками, это познавательный эффект, сколько бы ни говорили обо всем остальном. И это двигает человечество вообще.

Если б этого не было, не знаю, может быть, мы сегодня сидели бы возле костра и обгладывали кости животных. (*Смеется.*)

Н.В.: Мне очень интересно, как вы это сформулировали: что наука — это познавательный эффект, что для ученого главное — думать, и думать самостоятельно. И думать не о деньгах, а о работе. Правильно я говорю?

Р.П.: Да-да. Это основное. К сожалению, чем выше его уровень в иерархии, тем больше он должен заниматься добыванием денег, что его отвлекает от науки, — но без этого он не может жить. Есть люди, не менее способные, умные, талантливые, которые работают ради достижения определенной цели. Они точно знают, чего хотят. Это конструктора. Вот Циолковский — он хотел создать ракету. Я тоже знаю таких людей и я их тоже уважаю, которые не понимают, спрашивают: что вы хотите сделать? Я говорю: «Ничего, мы хотим узнать!» (*Усмехается.*) Они этого не понимают. Они целеустремленные. Это, например, мой сын. Когда я начал обсуждать с ним, кем он хочет стать... Дед физик, отец физик. Он сразу сказал: «Только не физиком!» Я говорю: «Почему?» — «Ты сидишь день и ночь за столом, мы тебя не видим, и что из того? Ничего потом не видим... Этого я не хочу. Я хочу видеть, что я сделал».

Н.В.: Что за результат.

Р.П.: Да. Он был на разных факультетах, потом в информатику пошел и там, видимо, хорошо себя проявил и удовлетворение получает.

Н.В.: Ну да, видит результаты своей работы...

Р.П.: Да-да. У него другой дедушка был как раз такой. Отец моей жены — он был инженер в лучшем смысле. Теоретик, практические работы у него плохо шли, но он конструировал. И всегда ему важно было, для чего он это делает.

Н.В.: А инженерная школа в Германии еще жива? Всегда же считалось, что там лучшая инженерная школа.

Р.П.: Да-да. Недаром в Дрездене это называется Технический университет, потому что там в центре внимания технические науки. Физика — это так, как общеобразовательная наука. А электротехника, архитектура — вот такие вещи там сильные.

О связи между Россией и Германией

Н.В.: Можно я спрошу, потом можно будет это выбросить, потому что это не деликатно. Многие жалуются, что сейчас большая проблема для России сотрудничать с Европой, потому что к нам там относятся с презрением — не знаю, как правильно сказать... Весьма высокомерно, и это очень многих людей напрягает.

Р.П.: Я вас понимаю. Да, к сожалению, это есть. Я не могу этого отрицать.

Н.В.: В науке то же самое? Ну, обычно люди, которые...

Р.П.: Нет, люди, которые сотрудничают, прекрасно знают, что у них этого нет. Но у людей, которые менее сведущи, такое общее мнение очень распространено. Откуда, отчего оно происходит — я не знаю. Потому что всегда, сколько ни смотрите историю России, всегда немцев тут полно было! (*Смеется.*)

Н.В.: Да-да-да. *(Смеется.)*

Р.П.: Чем-то Россия их привлекала! И, наверное, не только деньги. Но такое высокомерие есть. Знаете, если, например, вспомнить войну, когда Советская армия вошла в пределы Германии, там же чуть ли не ехали на телегах, а техника, военная техника, иногда выглядела просто чудовищно по сравнению с тем, что мы привыкли в Германии видеть. То есть, видимо, есть много примеров, где это наблюдали, и это глубоко сидит. Именно в тех людях, которые незнакомы.

Я помню, когда в нашей деревне слышали, что мы собираемся переехать в Россию, родителям говорили: «Вы подумайте, у них же в деревнях света нет в домах! Мой дедушка там был в Первую мировую войну, они там воду из колодцев брали...».

Но когда вы возвращаетесь в кругах, которые вас знают, этого нет.

Н.В.: У меня такое впечатление, что когда человек лично общается с кем-то, приехал ученый из ОИЯИ и работает в немецком университете, и его лично знают, то, наверное, по отношению к нему — нет. Но даже у тех людей, кто к нему лично хорошо относится, это общее пренебрежение остается.

Р.П.: Я думаю, это вполне возможно. Я допускаю, но я бы с такими людьми не дружил. В моем окружении таких нет, но это уже мой выбор. *(Смеется.)* Я бы с такими людьми не смог общаться, потому что сказать: «Я не люблю русских», — или: «Я не люблю негров»... Я могу любить одного человека или другого, а как мне любить или не любить народ? Что такое народ? Это же всегда конкретно...

Н.В.: Мы говорим, тем не менее, о каком-то общем отношении. В разговоре с вами я невольно сама подумала... Я об этом не собиралась спрашивать, но начала думать, что поэтому, наверное, и трудно сотрудничать, что чувство страха на Западе из-за этого отношения. Такое впечатление, будто мы друг друга боимся.

Р.П.: Конечно, такие настроения есть. Например, мы постоянно замечаем: с Запада идет антикоммунизм. Он там почему-то очень глубоко сидит. Хотя никто конкретные примеры, которые сам видел, пережил — не назовет. Но как тенденция это есть.

Н.В.: Такой парадокс: коммунизм пришел с Запада, и они же нас ненавидят. *(Смеется.)*

Р.П.: Да-да, на Западе его изобрели.

Н.В.: Изобрели на нашу голову!

Р.П.: Точно. Коммунизм связывают с Россией, это тоже есть. И в народе, к сожалению, такие вещи бытуют, это ясно.

Н.В.: Это тоже, наверное, создает определенные трудности.

Р.П.: Да, но в работе я не могу сказать, чтобы что-то такое конкретно встречал. Может, это от меня самого зависит, что я как-то...

Н.В.: Ну конечно, зависит от человека. Никто не осмелится вам такие вещи говорить...

Р.П.: Ну да.

Н.В.: Делиться своими предрассудками...

Р.П.: Потому что знают... *(Смеется.)*

Н.В.: Могут быть уверены, что вы их не поймете, да? *(Смеется.)*

Р.П.: Может быть, может быть.

Н.В.: Как-то очень приятно, что вы не жалеете о том, что приехали в Россию и тут жили...

Р.П.: Нет-нет, я, наоборот, благодарен судьбе, что так случилось. Ведь моему отцу в конце 30-х годов предложили стипендию в Америке. И он серьезно думал, поехать туда или нет. Я его как-то расспрашивал, почему он все-таки не поехал. Он тогда сказал, что уже чувствовалась эта ситуация мировая, что дело идет к войне, и он хотел остаться в Германии. Поэтому туда не уехал. Если бы он это принял, я бы вырос там...

Н.В.: В Америке.

Р.П.: В Америке, да.

Н.В.: А почему, если дело идет к войне, почему не уезжать? Потому что родина?

Р.П.: Да, он хотел остаться. Он был очень привязан. Он из Восточной Пруссии. Знаете, в Восточной Пруссии люди — у них очень сильное чувство родины. Это до сих пор. И в литературе вы видите. Это очень глубоко...

Н.В.: То есть они разные немного: Пруссия и Южная Германия?

Р.П.: Да-да-да. Я думал и раньше, а в последние годы много читал, у меня такое чувство, что все эти люди всегда чувствовали, что это когда-нибудь может закончиться. Они на отшибе от главной, от центральной страны. У них какое-то такое было предчувствие...

Н.В.: Правда? В Восточной Пруссии было ощущение?

Р.П.: Умные люди чувствовали, что когда-нибудь может это все закончиться.

Н.В.: Что они останутся где-то? Что они слишком на окраине?

Р.П.: Да-да. И умные люди, опять-таки, поняли после войны, что конец. Было хорошо, мы там были, но нужно понять, что это все. А люди, которые постоянно борются: «Верните нам Родину!» и так далее — это все не то. И в этом смысле я понимаю, что мой отец — он хотел остаться в Германии, во что бы то ни стало. И во время войны, по-видимому, у него взгляд на политику, на национал-социализм, на капитализм вообще изменился. Во время войны он несколько раз был во Франции, встретился там с Фредериком Жолио-Кюри. Они много разговаривали, и он сильно повлиял на отца. Я думаю, он даже в конце войны был уже готов, знал, куда пойти, выбрать российскую сторону, а не западную. Так что это не случайно получилось.

Н.В.: Потрясающе! Вот эта цепочка: ваш отец встречался с Жолио-Кюри... Это фантастика, как все связано!

Р.П.: Да-да. И я не знаю, насколько он до этого был знаком с «Манифестом [коммунистической партии]» например, такие вещи я...

Уже когда первые дни, недели после прихода Советской армии, чувствовалось, как отец себя вел, что для него это не противники, не завоеватели.

Н.В.: То есть не было такого страха?

Р.П.: Не было. Тем более что Восточная Пруссия была близко к России. Дядя моего отца был крупный славист. Он много ездил в Советский Союз, особенно в балтийские страны. Приезжая домой, он всегда в кругу семьи рассказывал об этом.

Н.В.: А русская классика тоже была?

Р.П.: Они читали русскую классику, играли русскую музыку, знали всех: Чайковского, Римского-Корсакова и так далее. Россия для них — это не было что-то чужое, где гуляют волки и медведи, а это были люди, страна с высокой культурой. Поэтому это просто естественное развитие было. И потом все эти годы, которые мы в детстве провели здесь, все время он нам это твердил: «Не забудьте, мы тут гости».

Н.В.: Вы когда приехали, вас дома побуждали к тому, чтобы вы читали русскую классику, русскую культуру узнавали? Или, наоборот, вы немецкое старались...

Р.П.: Мы сначала русский язык не знали. У отца и у других немцев были хорошие библиотеки. Мы перечитали всю немецкую литературу, пока не выучили достаточно русский язык и начали... покупать книги.

” Я помню, как мы со старшей сестрой — это было еще в школьные годы — приехали в Москву. У нас было сто рублей. Мы пошли в книжный магазин, сказали: «Пожалуйста, наберите нам русскую литературу за сто рублей».

(Смеется.) И мы потом их читали.

Н.В.: Что же они такого набрали, интересно?

Р.П.: Я уже не помню, но там были все известные писатели, и мы всё перечитали.

Н.В.: А кто из писателей на вас больше всего повлиял, как вам кажется? Или кто вам ближе всего?

Р.П.: Из русских?

Н.В.: Нет, из немецких, из мировых.

Р.П.: Я, например — и это было сравнительно редко среди наших — с раннего детства любил лирику, поэзию. Моя сестра, которая намного больше читала, чем я, говорила: «Что-то меня не очень интересует...» А меня интересовало. Особенно я увлекался одно время балладами, учил их наизусть, мог часами баллады декламировать. Потом я перечитал всех классиков: Шиллера... мне очень Шиллер нравился. Он, конечно, немножко... Я думаю, для молодых Шиллер ближе, чем Гёте. Гёте уже более...

Н.В.: Да, Шиллер более романтичный.

Р.П.: Да, а Гёте — это уже другие вещи. Гофман, сказки Гофмана. Я его до их пор очень люблю. Потом, когда в Москве открылся магазин немецкой литературы, это для нас находкой было! Томаса Манна мы очень много читали. А жена моя — она филолог. Она знала русский язык как второй. А первый — чешский. И она потом в издательстве была редактором литературы на чешском. И, конечно, приносила все новые книги домой, мы их перечитали. То есть в этом смысле у нас литература всегда играла...

Жена Рудольфа Позе — Антье

Н.В.: А из русских кого вы любите?

Р.П.: Толстого конечно.

Н.В.: А что больше, «Анну Каренину» или «Войну и мир»?

Р.П.: «Войну и мир». «Анна Каренина»... Я в детстве, честно говоря, такие вещи не очень понимал. Все эти межчеловеческие проблемы — я не имел ключа к ним. Я помню, мы были должны писать сочинение о Евгении Онегине. Я немножко помню, что написал, — я сам от этого в ужасе! Как наивно... То есть я ничего не понимал, честно говоря. (*Смеется.*) И, конечно, мы очень увлекались Алексеем Толстым...

Н.В.: Алексеем Константиновичем или Алексеем Николаевичем?

Р.П.: Я знаю, было два, но не знаю, кто есть кто.

Н.В.: Какой Алексей Толстой: «Хождение по мукам»?

Р.П.: Да-да!

Н.В.: Понятно.

Р.П.: Эти вещи. Чехова много читали. Некрасова — я очень любил его стихи. Они для меня очень мелодичны...

Н.В.: Он хороший поэт на самом деле. Хороший поэт.

Р.П.: Конечно. Да-да.

Н.В.: Как-то незаслуженно, в общем-то, к нему относятся почти как к второстепенному.

Р.П.: Мы читали современных писателей, конечно.

Н.В.: А из современных?

Р.П.: Сейчас трудно сказать. У меня стоят они... (*Смеется.*)

Н.В.: Просто если что-то сильное впечатление произвело... Солженицын — это прямо удар был по нервам...

Р.П.: Мы читали, причем читали здесь, как это называлось...

Н.В.: Самиздатом.

Р.П.: Самиздатом. В Дубне уже, нас туда подключили. «Не хлебом единым» — это я помню. В студенческие годы, помню, первый раз. Потом был Булгаков. У меня были знакомые среди московских филологов, хорошие девушки, мы дружили. Одна писала диплом...

Н.В.: И даже не боялись вас к самиздату подключать?

Р.П.: Нет-нет, вот это...

Н.В.: Это же было опасно, за это посадить могли!

Р.П.: Да, я знаю, и мы знали, но...

Н.В.: Понимали.

Р.П.: Да, да. Конечно. Солженицын потом уже — это в то же русло пошло. Не так сильно меня потрясло. А вот «Не хлебом единым» я помню, это было очень сильное впечатление... А дальше уже такие, из национальных — Чингиз Айтматов и чукотский писатель, он позже начал писать, как же его... на «о»... сейчас не помню.

Н.В.: Ну, неважно.

Р.П.: То есть через мою жену мы всегда были...

Н.В.: В курсе литературных новинок...

Р.П.: Да-да-да, и следили. Она много читала, так что...

О значении междисциплинарности

Н.В.: А как вам кажется, сейчас, даже на нашей конференции лозунг «междисциплинарность», и я сама тут вместе с физиками (*смеется*), ничего не понимая в физике... Как вам кажется, это правильное направление? Например, для меня это многое дает. А для физиков что это дает? Эта «междисциплинарность».

Р.П.: Это очень важно. Видите, например, что с помощью математики можно прощупывать любую область жизни, деятельности человека — это же так интересно! Неважно, что в конце концов, в результате получается, но многие явления можно видеть как процессы, которые развиваются во времени и пространстве!

Н.В.: В экономике, в социологии, в истории...

Р.П.: Да-да. Мне это кажется очень интересным, да.

Н.В.: Вот это направление междисциплинарности?

Р.П.: Да-да-да. Мы это учили, конечно, но, слушая такие вещи, все понимают, что физика — это важная область. Это область, которая лежит в основе многого, но далеко не всего. Это тоже очень важно. Ведь есть физики, которые считают, что, кроме физики, ничего нет на свете.

Н.В.: Есть математики, которые считают, что, кроме математики, ничего нет.

Р.П.: Да-да-да. Оказывается, вне физики есть очень много интересного. *(Усмехается.)*

Н.В.: А как вам кажется, сейчас наука должна развиваться углублением специализаций, или широкий культурный уровень важен для ученого? У нас вчера на эту тему был спор, и молодой человек, бизнесмен и он же научный сотрудник, говорит, что специализация дает большие результаты. Это он к тому, что на нашей секции выступали люди, ну, абсолютно разные. Кто-то про демографию рассказывал... а последний — правда, случайно, женщина, которая осталась вне секций, она этнографией занимается, и у нее мифические образы в тюркских культурах. Нам показалось, что это интересно, во всяком случае, для расширения кругозора. А значительная часть аудитории сказала: «А это при чем тут? Вся эта ерунда?»

Р.П.: Понятно.

Н.В.: Как наука должна развиваться: путем углубления, как говорил наш молодой бизнесмен, или нужна широта в науке и культурный уровень самого ученого, его кругозор?

Р.П.: Это, конечно, очень интересные вопросы. Я думаю, что ученые, которые работают в области фундаментальных наук, кто хочет действительно познать мир, из чего он создан, как функционирует — они должны углубляться в свой предмет все глубже и глубже, понимая взаимодействие силы закономерности и так дальше. В принципе, всякие отвлечения от этого, думаю, мешают. Но, с другой стороны, нельзя двадцать четыре часа в день думать об одном и том же. Это тоже неправильно, и поэтому быть готовым смотреть кругом, что делается в мире — это жизненно необходимо. С другой стороны, мы знаем, что в последние десятилетия очень многие открытия и новые познания были получены на пересечении различных направлений науки. И это, конечно, тоже важно.

” Я думаю, из познаний, полученных в одной области наук, многие познания стоит попробовать перенести и в другую область.

Поэтому определенная открытость не только не помешает, но может помочь работе. Но что, на мой взгляд, вредно для серьезной науки — если человек разветвляется: здесь немножко покопает, там немножко покопает и так дальше, — тогда к серьезным познаниям или новым познаниям он не придет. Все мы говорим о нобелевских премиях и о великих открытиях. Часто это были гениальные люди, которые по каким-то счастливым обстоятельствам умели больше или более проникательно вникнуть в какую-то область, но все это были люди, которые работали, очень долго и упорно работали. Поэтому и в настоящее время науки продвинулись так далеко вперед, что на поверхности уже фактически ничего не лежит. Добиться успеха в науке или обнаружить новые, принципиально новые знания — это связано с очень углубленным изучением.

Н.В.: Углублением.

Р.П.: И это неотъемлемая часть работы ученого. Другой вопрос, что есть много примеров, что великие ученые умели работать и в других областях. Известно, что многие физики, математики были хорошими музыкантами. Можно приводить пример Планка, который, когда окончил школу, серьезно думал и советовался с профессорами, что ему делать дальше: стать пианистом или, кажется, скрипачом, — то есть заниматься профессионально музыкой или пойти в физику? Но в конце концов решил пойти в физику. Он всегда был среди первых, не из десяти, а из трех по всем предметам. Это был универсально способный человек. Но он годами занимался одной проблемой, пока пришел к тем выводам, которые

его сделали отцом квантовой теории. То есть это огромный труд, углубление и труд. Для фундаментальной науки это необходимо.

Н.В.: Такие науки, они требуют, даже на стадии изучения, очень много сил и времени. Это не то что в гуманитарных науках, когда люди что-то прочитали, память хорошая, мелькнула идея, и они пишут...

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: Хотя там тоже нужны огромная образованность и углубление, но, мне кажется, в физике это просто из-за трудности предмета.

Р.П.: Я думаю, что те вещи, те познания, которые лежат на поверхности, они давно исчерпаны.

Н.В.: Я почему так говорю про физиков, потому что помню, что в наше время студенты других вузов развлекались и гуляли, хотя многие из них потом достигли успехов, а студенты Физтеха не гуляли, не развлекались, потому что учеба у них отнимала очень много сил...

Р.П.: Да-да-да.

Н.В.: ...они учились всерьез.

Р.П.: Да-да-да. Поэтому быть образованным во многих областях культуры — одно дело, а углубиться в фундаментальную науку — другое дело. Они, может, друг друга дополняют, но не заменяют, не заменяют.

Н.В.: Значит, качества ученого — это большой труд, трудолюбие, углубленность в науку, самостоятельное мышление, инициативность. Что еще у нас осталось несказанным?

Р.П.: И, конечно же, ему должны быть даны способности.

Н.В.: Способности и интерес.

Р.П.: Конечно. Но есть многие вещи, которые просто от рождения. Нельзя воспитать ученого из человека, который неспособен к наукам, в этом смысле нет никакого.

Н.В.: Наверное, и интерес — тоже какая-то составляющая?

Р.П.: Ну конечно, вопрос «почему?» должен быть всегда, иначе наука дальше не двинется.

Н.В.: Спасибо огромное!